

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
Юридический институт
Кафедра «Уголовное и уголовно-исполнительное право, криминология»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
заведующий кафедрой,
к.ю.н., доцент

_____ И.М. Беляева
_____ 2018 г.

НЕВМЕНЯЕМОСТЬ И ВМЕНЯЕМОСТЬ: ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)» – 40.03.01.2018.409ВКР

Руководитель работы,
Ст. преподаватель кафедры
_____ Т.В. Кухтина
_____ 2018 г.

Автор работы,
Студент группы Ю-409
_____ Д.М. Абдулов
_____ 2018 г.

Нормоконтролер, преподаватель
_____ Д.В. Бирюкова
_____ 2018 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 ВМЕНЯЕМОСТЬ И ЕЕ ПРИЗНАКИ.....	9
1.1 Общая характеристика вменяемости в уголовном праве.....	9
1.2 Соотношение вменяемости и вины	17
1.3 Понятие и критерии вменяемости.....	23
2 НЕВМЕНЯЕМОСТЬ: ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ.....	30
2.1 Понятие невменяемости.....	30
2.2 Критерии невменяемости.....	38
2.3 Правовые последствия признания ограниченной вменяемости.....	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	69
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	73

ВВЕДЕНИЕ

Понятие вменяемости существует на стыке психиатрии и уголовного права. Проблема отсутствия понятия «вменяемости» существовала в прежнем уголовном законодательстве (до 1996 года), и сохраняется необходимость устранения этого пробела и в действующем уголовном законодательстве. Уголовное законодательство РФ закрепляет лишь понятие невменяемости.

Действует презумпция вменяемости лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. В ст. 21 УК РФ раскрываются признаки невменяемости и указываются последствия совершения общественно опасного деяния в отношении лица, признанного впоследствии невменяемым. Соответственно, возникает вопрос о соотношении понятий невменяемости и вменяемости, а также обоснованности и понятия вменяемости. Для законодателя вменяемость выступает в качестве презумпции: данный вопрос не выясняется до тех пор, пока у следственно-судебных работников не возникает сомнение по поводу вменяемости лица.

Вменяемость упоминается как само собой разумеющееся требование, которое должно соблюдаться при привлечении к уголовной ответственности и наказании лица, совершившего преступление. Вопрос о необходимости законодательного закрепления понятия вменяемости в уголовном праве остается дискуссионным. По сути этой дискуссии имеются как сторонники, так и противники введения в закон нормы о вменяемости. Отсутствие понятия вменяемости как уголовно-правовой категории в УК РФ, по мнению одних ученых, не создает особых проблем, так как это понятие непосредственно вытекает из понятия невменяемости.

Ситуация с понятием вменяемости в современном уголовном праве противоречива и достаточно запутана. Согласно ст. 19 УК РФ «вменяемость является одним из обязательных признаков лица, подлежащего уголовной ответственности, определяющим содержание и порядок вменения уголовной

ответственности, различные вопросы назначения и исполнения наказания. Однако понятие или признаки вменяемости законодатель не определяет».

На данный момент важна проработка «принципов взаимодействия права и судебной психиатрии, чёткого определения и однозначного понимания сторонами таких основополагающих понятий, как «вменяемость – невменяемость» и «объём компетенции психиатра-эксперта» не только по форме, но и, по сути».

Общее утверждение состоит в том, что вменяемость – это юридическое понятие, а не медицинское, однако следует учитывать и тот факт, что способность к вменению понимается как известное душевное состояние данного лица. Вменяемость – это признак лица, подлежащего уголовной ответственности, и является предпосылкой уголовной ответственности. Следовательно, вопрос о вменяемости не есть только вопрос медицины, а вопрос права, но юридическое понятие «вменяемость» имеет психолого-правовое содержание.

Таким образом, для правильного толкования вменяемости как уголовно-правовой категории и правильного его понимания судебными органами, научными и медицинскими работниками, необходимо внести данное понятие в УК РФ, чтобы разграничить применение на практике данного понятия в уголовной и медицинской деятельности. Включение категории «вменяемость» в уголовное законодательство завершит процесс юридического оформления субъективного вменения и заполнит имеющийся пробел в законодательстве.

Объектом исследования являются категории вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости в уголовном праве, а также проблемные вопросы их соотношения.

Предметом исследования являются нормы права, регламентирующие проблемы вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости, правоприменительная практика и проблемы функционирования указанных норм.

Цель выпускной квалификационной работы : рассмотрение проблем невменяемости через комплексный научно-правовой анализ норм, затрагивающих категории вменяемости, невменяемости и уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами.

Исходя из цели исследования, необходимо определить следующие задачи:

- охарактеризовать вменяемость в уголовном праве;
- определить соотношение вменяемости и вины;
- уяснить понятие и критерии вменяемости;
- определить понятие невменяемости;
- выделить критерии невменяемости;
- определить правовые последствия признания ограниченной вменяемости.

Методологическую основу исследования составили всеобщий метод познания - материалистическая диалектика и общенаучные методы исследования - исторический и логический, анализ и синтез, дедукция и индукция. Кроме того, использовались частно-научные методы познания - логико-формальный, статистический и системный анализа.

Степень разработанности темы. Данной проблеме посвящены отдельные главы в учебниках под редакцией: А.И. Рарога, В.С. Савельевой, Н.К. Семерневой, В.Н. Кудрявцева, Л. Д. Гаухмана.

Нормативно-теоретическую базу исследования составили Конституция Российской Федерации, действующее законодательство, регламентирующее уголовно-правовую ответственности лиц с психическими аномалиями.

1 ВМЕНЯЕМОСТЬ И ЕЕ ПРИЗНАКИ

1.1 Общая характеристика вменяемости в уголовном праве

Одним из элементов состава преступления (наряду с объектом преступления, объективной и субъективной стороной) выступает субъект преступного деяния. Лица, совершившие преступление, являются субъектами. Исходя из классического принципа уголовного права – принципа личной виновной ответственности, понести ее может только физическое лицо. Не любое физическое лицо может быть субъектом преступления. Уголовная ответственность связывается со способностью человека понимать фактическую сторону и общественную значимость совершаемых действий и руководить своими поступками. Подобной способностью могут обладать лишь вменяемые лица, достигшие определенного возраста¹.

Перечисленные признаки (физическое лицо, вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности) являются обязательными юридическими признаками субъекта преступления. Лица, не понимающие фактическую сторону своих действий или их социальное значение, не могут быть субъектами преступления. Они нуждаются не в исправлении путем применения наказания, а в лечении. Поэтому наряду с достижением определенного возраста субъект преступления должен обладать признаком вменяемости. Н.С. Таганцев отмечал; «Физическое лицо только тогда, в смысле юридическом, может быть виновником преступления, когда оно совмещает в себе известную сумму биологических условий, обладает, употребляя техническое выражение доктрины, способностью ко вменению»².

Уголовной ответственности, как следует из текста ст. 19 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, предусмотренного действующим УК. Статус

¹ Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2015. – С.187.

² Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая. Т. 1. – М.: 1994. – С.100.

«вменяемого», таким образом, является одним из общих условий (обстоятельств, предпосылок) уголовной ответственности, по сути признаком субъекта преступления, причем упомянутым законодателем первым. При этом, в свою очередь, вменяемым (в отношении которого отсутствуют какие-либо сомнения в его вменяемости) может быть только физическое лицо. Законодательством ряда зарубежных стран (Голландия, Канада, Индия, США, Франция и др.) допускается уголовная ответственность и юридических лиц¹.

В действующем УК РФ установлен возраст, с которого наступает уголовная ответственность (ч. 1-3 ст. 20). Современное отечественное уголовное законодательство, как, кстати, и все ему предшествующие, не дает определения терминов «вменяемое лицо» (ст. 19, ст. 22), «состояние вменяемости» (ч. 2 ст. 99), «вменяемость» (ст. 22, п. «в» ч. 1 ст. 97, ч. 2 ст. 99, ст. 106) и производного от него термина «невменяемость» (ст. 21).

В действующем уголовном законе, в ст. 21 УК РФ, фигурирует определение только термина «состояние невменяемости»; последний помимо названной статьи упоминается еще и в п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ. С подобным положением трудно согласиться, в частности, по следующим основаниям. Первое. Отсутствие определений названных базовых понятий в уголовном законе – а «вменяемое лицо», «состояние вменяемости», «вменяемость», как и «невменяемость», являются именно таковыми – способствует неоднозначности в понимании и в использовании данных понятий, что в значительной степени усложняет правильное, а можно сказать, и точное, применение уголовного законодательства².

Существующая все еще неопределенность с вышеназванной терминологией привела к тому, что в ряде работ по уголовному праву³, в том

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М., 1996. – С. 35.

² Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев, А.В. Наумов. – М., 2014. – С. 115

³ Бородин С.В. К вопросу о понятии самоубийства и его отграничении от убийства и несчастного случая // Труды ВНИИ МВД СССР. № 31. – М., 1974. – С. 35.

числе и в современных¹, термин «вменяемый» стал употребляться и в связи с самоубийством.

В частности, О.Р. Цой и Р.А. Шахманов относят вменяемое лицо к признакам субъекта самоубийства. Но самоубийство, как известно, непротивоправное деяние, и термин «вменяемый» в своем истинном (уголовно-правовом) смысле применительно к лицу, добровольно выбравшему смерть, абсолютно неуместен. В случае самоубийства термин «вменяемость» употребим только в единственном возможном варианте: если лицо одновременно совершает и самоубийство, и преступление. Кстати, такие случаи встречаются, и нередко (например, связанные с совершением дорожно-транспортных происшествий, с причинением огнестрельных повреждений, при падениях с высоты...). Второе. Длительное время в нашей стране установление и вменяемости, и невменяемости было связано с деятельностью медиков (судебных психиатров).

Последние в своих экспертных заключениях, в выводах, достаточно откровенно выходили за пределы своей компетенции и указывали на необходимость признания исследованного ими лица либо в варианте: «вменяемый», либо в варианте: «невменяемый». Содержащийся в данной продукции вывод для суда был практически непререкаем. Сложившееся положение, к сожалению, все еще далеко не исправленное ни в теории, ни на практике, остается и до настоящего времени. Так, почти во всех современных учебниках и учебных пособиях по судебной психиатрии (а данный предмет, как известно, включен в вузовское образование только юристов) присутствует понимание установления вменяемости и невменяемости медиками².

¹ Цой О.Р. Криминологические проблемы пенитенциарного суицида и его предупреждение (по материалам Республики Казахстан): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 13.

² Судебная психиатрия: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / З.О. Георгадзе, А.В. Датий, Э.Б. Царгасова. – М., 2006. – С. 23.

Третье. Появление в уголовном законе 1996 г. новеллы – ст. 22 – нормы с претензией на «уменьшенную вменяемость» нисколько не разрешило все те проблемы, которые связывались отдельными специалистами с другим (особым) отношением со стороны законодательства к преступникам с психическим расстройством. Речь идет в первую очередь о смягчении наказания данным лицам, о соединении в отношении них карательного воздействия с медицинским (психиатрическим).

Четвертое. Вменяемость лица с психическим расстройством и невменяемость на почве опять же психического расстройства, по сути, мало и трудно разделяемы, так как объективные критерии их различия практически отсутствуют. Где эта грань, позволяющая согласиться с вменяемостью лица с психическим расстройством, имеющим уровень, «не исключаящий вменяемости»? Ведь если она объективно не определяется, то тогда вполне реальна судебная ошибка, позволяющая отправить «больного» (страдающего психическим расстройством) в «тюрьму», а «небольшого» или «недобольного» (хотя и страдающего указанным недугом, но не нуждающегося в медицинской помощи) – в «больницу».

Слово «вменяемость» – производное от слова «вменяемый»; в русском языке означает «сбыточность вменения», «свойство вменяемого» лица¹. Вменяемым же, согласно современному словоупотреблению, является человек, «по своему психическому состоянию способный нести ответственность перед законом за свои действия»². Как известно, термин «вменяемость» имеет отношение только к уголовному праву. Встречающееся в литературе его использование в других правовых областях и науках представляется неправильным.

Вменяемость – это и юридический факт, свидетельствующий о привлечении к уголовной ответственности и имеющий прямое отношение к специфическому уголовно-правовому воздействию – принудительным мерам

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 2008. – С. 189.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1987. – С. 71.

медицинского характера, и уголовно-правовое понятие, причем, как представляется, базовое, и уголовно-правовая конструкция, и уголовно-правовая категория, свидетельствующая о способности субъекта во время совершения преступления действовать виновно, т.е. осознанно и волимо (под контролем), и «исходный пункт принципа субъективного вменения»¹.

Сегодняшнее обращение к термину «вменяемость» показывает, что в его использовании в отечественном уголовном праве можно выделить как бы два исторических периода. Первый (до УК 1996 г.) – вменяемость имела отношение только к привлечению к уголовной ответственности, причем как «психически здоровых», так и «психически больных» лиц. При этом в уголовном законе, в частности в предшествующем (1960 г.), не был указан уровень/степень выраженности проявлений психического заболевания (речь идет о поражении центральной нервной системы), допускающий(-ая) установление вменяемости. Ведь из текста ст. 11 УК РСФСР, например, совершенно непонятно, что следует подразумевать под словами «не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими». Или чистый, 100%-й вариант, соответствующий смыслу представленного в законе, или вариант «до 100% в отношении подобного признака».

Назначение принудительных мер медицинского характера могло иметь отношение к «совершившим преступление в состоянии вменяемости, и заболевшим душевной болезнью, лишаящей возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, до вынесения судом приговора».

Таким образом, психическое расстройство, имевшееся у лица на момент совершения им преступления, исключалось из оценки своего влияния на преступное поведение. По мысли тогдашнего отечественного законодателя, этого влияния просто не могло быть. А раз так, то все субъекты преступления, страдавшие при совершении противоправного деяния психическим расстройством, подвергались исключительно наказанию;

¹ Михеев Р.И. Невменяемый. Социально-правовой очерк. - Владивосток, 1992. – С. 194.

медицинское (психиатрическое) же воздействие на их болезненно измененную психику оставалось на совести/усмотрении врачей пенитенциарной системы. Второй (УК РФ 1996 г.) – характеризующийся появлением возможности применения принудительного медицинского воздействия в отношении преступников, страдавших психическим расстройством на момент совершения преступления.

Последнее в УК РФ упоминается как «психическое расстройство, не исключающее вменяемости». По мнению А.В. Кислякова¹, «с включением в УК статьи 22, регулирующей ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, начался новый этап развития российского уголовного права в области применения института ограниченной вменяемости в практической деятельности». Но этот период еще можно назвать и как период вменяемости с добавлением к наказанию преступников медицинской помощи.

Как показал анализ литературы, под вменяемостью в отечественном уголовном праве понимают:

1) психическое состояние лица, определяющее его способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими (без уточнения степени; предположительно на 100%);

2) психическое состояние лица с подобными признаками, приходящееся на конкретный момент времени – момент совершения преступления;

3) «юридический признак лица как субъекта уголовной ответственности, заключающийся в его способности по уровню психического здоровья, возраста, социализации и социально-психологического развития осознавать во время совершения преступления фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), руководить ими и подлежать в связи с этим уголовной ответственности»;

¹ Кисляков А.В. Уголовная ответственность и исполнение наказания в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004. – С. 3.

4) «социально-психологическую способность быть субъектом уголовной ответственности, признаваться виновным и преступником и подлежать уголовной ответственности за содеянное»;

5) «способность к вменению, т.е. психическое состояние преступника, при котором его действия могут быть вменены ему в вину».

В ряде работ, особенно из недавнего «советского» прошлого, вменяемость признавалась презумпцией, понятно, правовой. Так, например, Ю.М. Антонян и С.В. Бородин в монографии «Преступность и психические аномалии» (1987 г.) утверждали, что «правильное разрешение вопроса о вменяемости в уголовном судопроизводстве обеспечивается, если вменяемость рассматривать как презумпцию». При этом, по мнению названных авторов, «признание вменяемости в качестве правовой презумпции влечет для лица, совершившего преступление, возможность наступления уголовной ответственности без доказывания вменяемости.

Установить вменяемость в ходе предварительного следствия или судебного разбирательства – значит признать, что сомнений в психической полноценности обвиняемого не имеется».

Советское уголовное законодательство исходило из того положения, что «все граждане являются вменяемыми, кроме лиц, не достигших определенного возраста и душевнобольных»⁵. Но с данным пониманием проблемы, соответствующим тогдашнему (например, предшествующему) уголовному закону, сегодня трудно согласиться – прежде всего по причине появления в законе нормы (ст. 22), в которой присутствует указание на вменяемость у лиц с психическим расстройством. Ведь тогда получается, что принимается без доказательства информация как о наличии у вменяемого лица психического расстройства, так и об отсутствии последнего. Возможность присутствия психического расстройства у обвиняемого, таким образом, «путает карты», отсюда неизбежен вывод: вменяемость всегда нужно доказывать.

В противном случае, если исходить из положения «вменяемость как презумпция», наказанию может быть подвергнут человек с психическим расстройством, пусть и невыраженного уровня, но требующим своего медицинского вмешательства/воздействия, обоснованного по всем жизненным (социально-личностным) параметрам.

Если исходить из современной теории уголовного права и всего законодательного представления по рассматриваемому вопросу, вменяемость являет собой базовую уголовно-правовую категорию, которой, по сути, соответствует двойное условие¹.

Первое – оно облигатное и связанное с привлечением лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности.

Второе – факультативное – применение к нему наряду с наказанием принудительных мер медицинского характера. Понятно, что последние могут иметь отношение к лицам с психическим расстройством, «заявившим» о себе на момент совершения преступления и при наличии определенных обстоятельств медико-социального характера.

Таким образом, вменяемость – базовая уголовно-правовая категория, представляющая по сути облигатное условие привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, а также условие возможного применения к нему наряду с наказанием принудительных мер медицинского характера.

Сегодняшнее уголовное законодательство позволяет вменяемость рассматривать неоднозначно и представлять как вменяемость у лица без психического расстройства («бесфоновая» вменяемость) и как вменяемость у лица с психическим расстройством («фоновая» вменяемость – на фоне психиатрической патологии).

¹ Рарог А. И. Уголовное право России. Общая и Особенная части. – М.: ИНФРА – М, 2009 – С.130.

1.2 Соотношение вменяемости и вины

В Конституции РФ получил закрепление принцип, в соответствии с которым уголовная ответственность наступает лишь при наличии вины лица, совершившего преступление. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу решением суда (ст. 49 Конституции РФ)¹.

Согласно ныне действующему уголовному законодательству вина - необходимый признак преступления, его психологическое содержание. Принцип вины впервые был закреплен в УК 1996 г., в ст. 5 Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина².

Впервые оценочное понимание вины в теорию уголовного права было внесено Н.Д. Дурмановым виновность есть оценочная категория, ничего общего не имеющая с установлением совершенного объективного факта, является ли данное лицо причиной, так сказать, автором данного результата.³ Высказанная идея об оценочной теории вины была в дальнейшем развита Б.С. Утевским и положена в основу его работы «Вина в советском уголовном праве». По его мнению вина это совокупность обстоятельств, заслуживающих по убеждению советского суда, отрицательной общественной (морально - политической) оценки от имени социалистического государства и требующих уголовной ответственности подсудимого.

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 2009. – № 7. – 21 января;

² Уголовный кодекс от 13 июня 1996 года № 64-ФЗ в ред. от 19.05.2010 // www.consultant.ru;

³ Дурманов Н.Д. Общие основания учения о причинной связи в уголовном праве // Вопросы уголовного права. – 1945. - № 1 – С.27.

Вина в теории уголовного права является основным и обязательным признаком субъективной стороны преступления, при этом приведенные в качестве примера вышеуказанные составы разграничиваются именно по данной стороне состава, то есть по направленности умысла.

Установить умысел у лица, совершившего деяние в состоянии невменяемости, в ходе расследования уголовного дела невозможно в связи с особенностями психики данного лица. Учитывая это обстоятельство, по уголовным делам в отношении данной категории лиц при проведении расследования, доказывание таких обстоятельств, как виновность лица в совершении преступления, формы вины и мотивов не требуется, в отличие от обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в отношении вменяемых лиц (ст. 73, 434 УПК РФ).

Уголовный закон также признает невозможность установления умысла у невменяемого лица, предусматривая, что совершение преступления совместно с невменяемым лицом соучастием не является. Так, соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления. Умышленное участие означает осознание лицом факта участия в преступлении и волевою направленность на его совершение (ст. 32 УК РФ). Указанные признаки в деянии, совершенном лицом в состоянии невменяемости, отсутствуют.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» сказано: «Необходимо иметь в виду, что совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (статья 20 УК РФ) или невменяемости (статья 21 УК РФ), не создает соучастия».

Ввиду отсутствия возможности установления умысла у лица, признанного невменяемым, правоприменители обязаны руководствоваться презумпцией невиновности и все сомнения рассматривать в пользу обвиняемого, в том числе при оценке совершенного деяния.

Исходя из смысла закона и всего вышесказанного, действия лица, совершившего запрещенное Уголовным кодексом РФ деяние, необходимо квалифицировать исключительно по фактическим наступившим общественно опасным последствиям, принимая во внимание объективную сторону состава преступления, так как умысла или неосторожности в действиях такого лица в уголовно-правовом смысле быть не может. Иная квалификация противоречит нормам уголовного права, а также принципу презумпции невиновности. К сожалению, судебно-следственная практика идет по иному пути.

Так, постановлением Чертановского районного суда г. Москвы действия П. были квалифицированы по ч. 3, ст. 30, п. «ж, з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, при этом установлено, что П. совершил общественно опасное деяние, квалифицируемое как покушение на убийство группой лиц по предварительному сговору, по найму. Потерпевшему действиями П. причинен тяжкий вред здоровью, а указанная квалификация была дана с учетом направленности умысла признанного невменяемым лица, совершившего общественно опасный поступок. В случае квалификации по фактически наступившим общественно опасным последствиям действия П. подлежат юридической оценке по признакам п. «г» ч. 2 ст. 111 УК РФ.

Действующий закон, теория уголовного права безоговорочно сходятся в том, что умышленная вина предполагает сознание виновным общественно опасного характера своего деяния. Но сознание общественной опасности несомненно означает не только возможность отражать, но и оценивать социальную сущность соответствующих действий. Но кому принадлежит оценка при умышленной вине?

Психологическое содержание вины занимает центральное место среди основных категорий, характеризующих ее. Составные элементы психического отношения, проявленного в конкретном преступлении – сознание и воля. Содержание вины обусловлено совокупностью интеллекта, воли и их соотношением.

Совершая преступление, лицо охватывает своим сознанием объект преступления, характер совершаемых действий (бездействия), предвидит (либо имеет возможность предвидеть) последствия в материальных преступлениях. Следовательно, общественная оценка деяния входит в содержание вины, является ее необходимым элементом, относится к числу моментов, формирующих вину, определяющих ее социальную природу. Эту оценку не следует смешивать с оценкой, которую даст суд конкретной индивидуальной вины, она принадлежит не суду, а обществу непосредственно. Свое концентрированное выражение эта оценка получает в уголовном законе.¹

Психологическая концепция вины является общепризнанной на практике и в теории уголовного права. Она дает возможность привлекать к уголовной ответственности за совершенное деяние.

Психическое содержание вины включает в себя определенное состояние сознания и воли, т.е. протекающий в сознании человека, совершившего преступление, психический процесс и именно тот процесс, который сопровождал противоправное поведение лица, т.е. регулировал его до момента окончания преступления.²

Согласно действующему уголовному законодательству вина может выступать в одной из двух форм: в форме умысла или в форме неосторожности (ст.ст.25 и 26 УК). Умысел и неосторожность характеризуют психическое отношение лица к совершенному деянию и его последствиям. Предпосылкой виновности является вменяемость лица, то есть речь идет о лице, обладающем способностью сознавать фактическую сторону и общественно опасный характер совершаемого им деяния и руководить своими поступками.

¹ Рарог А.И. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник. – М.: ИНФРА – М, 2009. – С.130.

² Курс уголовного права в пяти томах. Том 1.Общая часть: Учение о преступлении/Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2002 – С. 173.

Сознание субъектом преступления характера совершенного деяния и предвидение его последствий именуется интеллектуальным моментом вины. А желание или нежелание наступления определенных последствий - волевым моментом.

Интеллектуальный момент вины характеризуется сознанием общественно опасного характера деяния и предвидением его общественно опасных последствий. В отдельных случаях (преступная небрежность) лицо может не предвидеть общественно опасных последствий, совершаемых им действий.¹

Предвидение как и сознание в целом, тесно связано с волей. Волевой момент характеризует волевые процессы, протекающие в психике субъекта. Виновный в одних случаях может желать наступления общественно опасных последствий, в других, сознательно допускать, в третьих легкомысленно рассчитывать на их предотвращение.²

Интеллектуальные и волевые признаки учитываются законодателем при определении умысла и неосторожности как форм вины.

Эмоциональные же признаки в эти понятия не включены, однако они так же играют определенную роль и учитываются в процессе правоприменительной практики как обстоятельства, учитываемые судом в процессе индивидуализации наказания.

В реальной жизни интеллектуальные, волевые и эмоциональные признаки взаимосвязаны и образуют единый психический процесс, поэтому выделение их является условным, необходимым для уяснения содержания и значения вины.

Интеллектуальные признаки отражают познавательные процессы, происходящие в психике лица. Это - основанная на мышлении способность человека понимать как фактические признаки ситуации, в которой он оказался, и последствия своего поведения в этой ситуации, так и их

¹ Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М., 2009 – С. 3.

² Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М., 2009 – С.40.

социальный смысл.

Волевые признаки представляют собой сознательное направление умственных и физических усилий на принятие решения, достижение поставленных целей, удержание от действия, выбор и осуществление определенного варианта поведения и т.д. Предпосылкой вины является свобода действующего лица. В связи с этим возникает вопрос о свободе воли и детерминированности поведения человека.

Все поступки людей детерминированы. Однако влияние внешней среды на поведение человека всегда опосредуется его сознанием и волей. Таким образом, поступки людей нельзя считать механической реакцией на внешнюю среду. Конкретная ситуация порождает волевой акт, лишь преломляясь через интересы, взгляды, привычки, особенности психики и другие индивидуальные черты личности.

Поведение любого вменяемого человека носит сознательный и волевой характер. Возможность господствовать над собой и законами внешней природы человек приобретает благодаря своему общественному существованию и опыту.

Свобода воли - это способность человека выбирать варианты поведения, предвидеть и оценивать последствия своих действий на основе познания объективной стороны действительности с учетом требований морали и права.

Поэтому ответственность человека за свое поведение определяется не только тем, что он причинил своим деянием общественно опасный вред правоохраняемым интересам, но и тем, что эти действия(бездействие) предварительно прошли через его сознание и волю, сопоставлены им с различными аспектами окружающей действительности и явились выражением его субъективных намерений, желаний и интересов.¹

В действующем уголовном законе понятие вины не раскрывается, указывается лишь, что вина является родовым понятием умысла и неосторожности. Такое же положение было и в дореволюционном

¹ Фельдштейн Т.С. Природа умысла. – М., 2003 – С.22.

законодательстве. Уложение о наказаниях 1845 г. не определяло ни вины, ни ее форм, прибегая при этом к использованию различных терминов (умышленно, со знанием последствий, с целью, с намерением, злоумышленно и пр.), что вызывало их различное толкование в теории и практике. Уголовное уложение 1903 г., покончив с такой многозначностью терминов, определило в законе обе формы вины (умысел и неосторожность), указав основные признаки этих понятий.

Не дается определения вины как родового понятия и в зарубежном уголовном законодательстве. В некоторых зарубежных УК отмечается, что вина является родовым понятием. Так, в ст. II (1) УК Болгарии говорится: «Общественно опасное деяние признается виновным, если оно совершается умышленно или неосторожно».¹ Далее законодатель раскрывает понятие этих форм вины, определяя их признаки. В других УК просто констатируется признание двух форм вины без указания их признаков.

Например, согласно ст. 10 УК Испании «Преступлениями или проступками являются наказуемые по закону действия или бездействия, совершенные с умыслом или по неосторожности». Согласно ст. 15 УК ФРГ «наказуемо только умышленное действие, если закон прямо не предусматривает наказание за неосторожное действие». Подводя итог изложенному, можно дать следующее определение вины.

Вина - это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному действию или бездействию и к наступившим в результате этого общественно опасным последствиям.

1.3 Понятие и критерии вменяемости

Согласно части 1 статьи 22 УК РФ вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в

¹ Игнатов А.Н. Уголовное право России. В 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для вузов. – М., 2005 – С. 185.

полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности. Таким образом, норма об ограниченной вменяемости состоит из юридического и медицинского критериев.

Юридический критерий ограниченной вменяемости сконструирован законодателем как отсутствие возможности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо возможность руководить ими. Данный критерий не получил должной разработки на страницах юридической литературы, поэтому и возникает необходимость разобраться: в чем конкретно выражается неспособность к полному осознанию и руководству своими действиями? В доктрине уголовного права существует позиция, согласно которой законодательная формула «лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими» страдает аморфностью и чревато судебными ошибками.

Другие ученые считают, что интеллектуальный критерий ограниченной вменяемости заключается в том, что лицо в момент совершения преступления не способно до конца понимать связь между совершенным им действием и наступившими последствиями, а также социальный смысл своего деяния, его опасность для общества. Волевой признак сводится к тому, что лицо не способно в полной мере руководить своими действиями.

Наиболее детально вопрос о юридическом критерии ограниченной вменяемости рассмотрен в работах психологов. В современной психологии интеллектуально-монистическая и эмоционально-волевая сферы состоят из нескольких базовых элементов, к которым можно отнести память, внимание, мышление, восприятие, регуляцию, прогноз, критику, эмоциональную устойчивость.

Наличие всех вышеназванных элементов и свойств свидетельствует о надлежащем уровне психологического развития, которое характерно как для подростков, так и для совершеннолетних.

Предусмотренные в Международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10) психические расстройства могут оказывать существенное влияние на память, внимание, мышление, восприятие, регуляцию, прогноз, критику, а в отношении несовершеннолетних воздействию может подвергнуться в том числе и эмоциональная сфера. Например, нарушение мышления у виновного может выражаться в снижении уровня и качества обобщения при органическом поражении головного мозга или при олигофрении; либо искажение уровня и качества обобщения, вызванное шизофренией¹.

В зависимости от степени выраженности психического расстройства и глубины нарушения интеллектуально-монистической и эмоционально-волевой сферы у лица, совершившего общественно опасное деяние, оно может быть оценено как вменяемость, ограниченная вменяемость либо невменяемость.

Медицинский критерий ограниченной вменяемости сформулирован законодателем как «психическое расстройство». Имеющиеся у лица психические расстройства могут оказывать различное влияние на интеллектуально-волевую сферу, начиная от крайне незначительного воздействия и заканчивая тотальным поражением вышеназванных сфер. Однако в доктрине уголовного права существуют противники названного утверждения, которые предлагают отождествлять медицинский критерий части 1 статьи 22 УК РФ с исчерпывающим перечнем заболеваний. Так, например, К. совершил кражу, то есть тайное хищение чужого имущества с

¹ Ошевский Д.С. Система профессиональной подготовки и организация деятельности судебных экспертов- психологов Минздравсоцразвития и Минюста России // Материалы Всероссийского совещания «Современные подходы к управлению качеством деятельности психиатрической и судебно-психиатрической службы страны». – СПб.. 2006. – С. 75.

незаконным проникновением в жилое помещение, с причинением значительного ущерба гражданину Г.

Суд квалифицирует действия подсудимого К. - по п. «а» ч.3 ст.158 УК РФ как кража, то есть тайное хищение чужого имущества, с незаконным проникновением в жилище, с причинением значительного ущерба гражданину.

Судом учитывается заключение амбулаторной судебно - психиатрической экспертизы № 86 от 12.01.2018 года (л.д.88 – 90), согласно выводам, которого К. обнаруживает признаки смешанного расстройства личности. Во время инкриминируемого ему деяния признаков, какого-либо временного психического расстройства не выявлено.

Его действия носили целенаправленный характер и не содержали признаки бреда, галлюцинаций и расстроенного сознания. По своему психическому состоянию К. в настоящее время способен правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, участвовать в судебном заседании, самостоятельно защищать свои права на защиту. В связи, с чем К. не нуждается в применении к нему принудительных мер медицинского характера. Данное экспертное заключение, суд признает компетентным и достоверным, оснований сомневаться во вменяемости подсудимого, с учетом его адекватного поведения в судебном заседании у суда не имеется. Принимая во внимание положения ст.22 УК РФ, характеризующие данные подсудимого К., суд признает его вменяемым и полагает, что он подлежит уголовной ответственности за совершенное им изложенное выше преступление.

Д.В. Сирожидинов считает, что медицинский критерий ограниченной вменяемости образуют следующие болезненные формы психических расстройств: алкоголизм; психопатия; наркомания; остаточные явления черепно-мозговых травм; олигофрения; психические нарушения, возникающие в отдаленном периоде органических заболеваний головного мозга (органические деменции); психогения; эпилепсия; сосудистые

заболевания; маниакально-депрессивный психоз; шизофрения; психические нарушения вследствие сифилитического поражения головного мозга; прогрессивный паралич¹. Думается, что предложениями автора является дискуссионным по нескольким причинам.

Во-первых, предложенный Д.В. Сирожидиновым исчерпывающий перечень является неполным, потому что он не включил большую группу иных психических расстройств, которая предусмотрена в разделе «Психические расстройства и расстройства поведения» МКБ-10, а также иных болезней, которые могут существенно ограничивать интеллектуальную и волеую сферы, что вызывает необходимость квалифицировать их по статье 22 УК РФ.

Во-вторых, включенные в данный перечень психические расстройства на практике могут быть квалифицированы не только как ограниченная вменяемость, но и как совершение общественно опасного деяния в состоянии невменяемости. Так, К. нанесла малолетней дочери множественные ножевые колото-резаные ранения в жизненно важные органы: шею, живот, спину, бедра. Так, например, К., что в силу опьянения она не контролировала свои действия и что телесные повреждения могла причинить дочери по неосторожности, тщательно проверялись и обоснованно были признаны несостоятельными.

По заключению комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы у К. действительно выявлены признаки расстройства личности, вызванного употреблением алкоголя. Однако такое состояние не лишало ее возможности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Как следует, неспособность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими выражается в существенном снижении или нарушении памяти, мышления,

¹ Сирожидинов Д.В. Ограниченная вменяемость: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург. 1998. – С. 68.

восприятия, внимания, критики, адаптации, которая формируется у виновного в результате психического расстройства.

Так же существует группа психических расстройств, причиной которых служит интоксикация организма токсичными веществами, в том числе алкоголем, наркотиками и другими одурманивающими веществами (например, алкогольный психоз - алкогольный делирий (белая горячка), алкогольный галлюциноз, алкогольный параноиз (бред преследования), алкогольный бред ревности, алкогольные энцефалопатии. Например, И., пребывая в состоянии наркотического опьянения, на почве расстройства психики, ошибочно воспринимая своих близких родственников как враждебно настроенных по отношению к нему лиц, взял на кухне нож и совершил по отношению к ним запрещенные уголовным законом деяния.

На основании выводов амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы суд установил, что И. в момент совершения общественно опасных деяний находился в состоянии временного психического расстройства в форме острой интоксикации, вызванной употреблением психотропных веществ, и не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

Что касается медицинского критерия в формуле ограниченной вменяемости, то его не следует отождествлять с психическими заболеваниями, которые предусмотрены в разделе «Психические расстройства и расстройства поведения» МКБ-10, поскольку существуют и другие болезненные состояния, степень выраженности которых исключает способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Для того чтобы перечисленные виды психических отклонений стали юридически значимыми, необходимо их влияние на эмоционально-волевую сферу деятельности лица. Психические аномалии сами по себе не могут определять преступное поведение, то есть являться его причиной. Лицо,

страдающее психопатией возбудимого круга, совершает кражу. В данной ситуации психическая аномалия не играет существенной роли в механизме совершения преступления. Лицо в течение долгого времени может находиться в состоянии дисбаланса процессов возбуждения и торможения, но при этом он не обязательно будет совершать преступления. Например, на глазах у мужчины, психика которого «отягчена» истерической акцентуацией, наносится тяжкое оскорбление его возлюбленной, в результате он совершает убийство оскорбителя.

В данном случае эмоциогенная ситуация максимально обострила аномальные психические процессы, которые и вызвали конкретный поведенческий акт». Значит, психическая аномалия должна приводить к тому, что лицо в момент совершения преступления (временной критерий) именно из-за отклонений в психике (медицинский критерий) не может полностью осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемого деяния или руководить им (юридический критерий). Получается, что для понятия ограниченной вменяемости необходим медицинский критерий в совокупности с юридическим и временным критериями.

Таким образом, подводя итоги первой главы настоящей работы, предлагаются следующие выводы.

Вменяемость принято определять как противоположность невменяемости. Ей присущи следующие черты:

– лицо обладает определенным уровнем психического здоровья. Надо иметь в виду, что уголовная ответственность не исключается и в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости;

– лицо, признаваемое субъектом преступления, осознает фактический характер и общественную опасность своего деяния и руководит им.

2 НЕВМЕНЯЕМОСТЬ: ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ

2.1 Понятие невменяемости

Реализация превентивных задач, постановленных уголовным законом, в том числе, по недопущению совершения повторных общественно опасных деяний лицами, имеющими психические расстройства, зависит среди прочего, от правильного определения органами уголовной юстиции признаков невменяемости, наличие которых обуславливает включение лица в особую группу общественных отношений, регулируемых нормами уголовного права¹, допуская, в свою очередь, возможность применение к ним мер уголовно-правового воздействия, существенно ограничивающих личные права человека.

В этой связи, правильное уяснение понятия невменяемости и определение её критериев является важной гарантией от необоснованного привлечения лица к юридической ответственности или, напротив, от неправомерного освобождения от нее, максимально способствует обеспечению интересов, защиты законных прав лиц, страдающих психическими расстройствами, и выбору адекватных мер профилактического воздействия в целях предупреждения совершения общественно опасных деяний в дальнейшем.

Об актуальности проблемы свидетельствует и опубликованная практика Верховного суда РФ направленная на формирование основных правовых позиций по определению невменяемости лица, в том числе неоднократно обращавшая внимание на ошибки нижестоящих судов при разрешении данного вопроса, среди которой особо значимым является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», в котором среди прочего определены вопросы, связанные с установлением невменяемости в целом, и ее отдельных критериев.

¹ Бабурин В.В. Система современного уголовного права: монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2015. – С. 87.

Несмотря на то, что первые научно – обоснованные идеи неответственности душевнобольных появились в конце 18 – 19 веках, в связи с разработкой учения о душевных болезнях, когда последние стали рассматриваться не только как болезни души, но и телесного организма¹, в настоящее время по-прежнему отсутствует устоявшаяся концепция неменяемости, подходы в определении количественных и качественных характеристик ее критериев, что отрицательно сказывается на практике применения уголовного закона.

Понятие неменяемости и подходы к ее критериям главным образом определяются законодательной формулой, изложенной в ч. 1 ст. 21 УК РФ, озаглавленной как «Неменяемость», согласно которой «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии неменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики».

При этом в законодательстве термин «критерий» отсутствует, а в литературе указанный термин толкуется как «мерило оценки, суждения»². Преломляя содержание данного понятия через призму предмета исследования, полагаем определить критерии неменяемости как совокупность признаков, характеризующих состояние неменяемости, сгруппированных в силу их общей характеристики. Исходя из данного определения совокупность содержательных признаков неменяемости, образующих ее критерии образует юридическое понятие неменяемости.

¹ Учебник русского уголовного права: Общая и особенная части / Белогриц- Котляревский Л.С., орд. проф. Ун-та св. Владимира. – Киев: Южно-рус. кн-во Ф.А. Иогансона, 1903. –

С. 135.

² Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 219.

Несмотря на единое содержание законодательной формулировки в настоящее время отсутствует единство мнений относительно критериев невменяемости.

В современной литературе имеет место несколько подходов к их определению, все многообразие которых можно свести к следующим позициям. Первая группа авторов (Топильская Е.В., Благов Е.В., Смирнов А.М., Агаев И.Б., Ревин В.П., Поправко В.Н., Максимов С.В., Пикуров Н.И., Пудовочкин Ю.Е., Русинов Г.Б., Борзенков Г.Н., Питецкий В.В., Хутов К.М., Иногамова-Хегай Л.В., Коняхин В.П., Наумов А.В., Савельева О.Е.) в содержании невменяемости выделяют медицинский (биологический, психиатрический) и психологический (патопсихологический, юридический) критерии.

Первый критерий невменяемости отражает наличие у лица одного из видов патологического состояния психики, прямо указанных в ч.1 ст. 21 УК РФ, а второй критерий невменяемости означает отсутствие возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Вторая группа авторов (Лошенкова Е.В., Капинус О.С., Рагулина А.В., Есаков Г.А.) наравне с медицинским и психологическим критериями невменяемости выделяют временной (темпоральный) критерий, означающий совпадение во время совершения общественно опасного деяния психологического и медицинского критериев. Таким образом, временной критерий является необходимым признаком невменяемости, объединяющим юридический и медицинский критерии. Этот критерий определяет, что именно во время совершения общественно опасного деяния у лица имелись отклонения в психике (медицинский критерий), не позволяющие ему правильно оценивать свое поведение (юридический критерий).

Так, например, в вечернее время, Ш., находясь в квартире Ж., путем свободного доступа, имея умысел на хищение чужого имущества, тайно похитил, принадлежащую М. сумку-барсетку стоимостью 200 рублей, с находившимся в ней сотовым телефоном стоимостью 4990 рублей в

комплекте с чехлом, с находившимися в телефоне сим-картами, не представляющими для потерпевшего материальной ценности. С похищенным с места преступления Шишин М.В. скрылся, причинив имущественный вред потерпевшему на общую сумму 5190 рублей.

В ходе предварительного следствия была проведена амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза, согласно заключению комиссии судебно-психиатрических экспертов Ш. страдал в момент совершения инкриминируемого ему деяния и страдает в настоящее время психическим расстройством - легкая умственная отсталость со значительными нарушениями поведения, требующими ухода и лечения. Указанное психическое расстройство во время совершения инкриминируемого деяния лишало Ш. способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действия и руководить ими. В настоящее время Ш. не может осознавать фактический характер своих действий и руководить ими, не способен правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значения для дела и давать о них показания, не может лично участвовать в судебном заседании, в настоящее время может представлять опасность для себя и окружающих, ему рекомендуется принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях общего типа, в соответствии со ст.21 ч.2, п. «а» ч.1 ст.97 и п. «б» ч.1 ст.99 УК РФ и оно ему не противопоказано.

Суд соглашается с заключением судебно-психиатрической комиссии экспертов и считает, что в отношении инкриминируемого деяния Ш. следует считать невменяемым. В связи с изложенным и в соответствии со ст.21 УК РФ Ш. подлежит освобождению и в отношении него необходимо применить принудительные меры медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психическую помощь в стационарных условиях общего типа.

Третья группа авторов, вместе с медицинским и психологическим критериями выделяют юридический критерий, включая, правда, в него

различные трактовки в его содержания, сводя его в одном случае его к факту совершения преступного деяния лицом (В. В. Лень); в другом - к наличию деяния, предусмотренного уголовным законом, а также к факту его совершения именно данным лицом (Т.М. Прихотько), в третьем – к факту совершения противоправного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (Васильев А.А.); в четвертом – к совершению психически больным лицом объективно противоправного общественно опасного деяния; совпадение во времени совершения общественно опасного деяния и патологического состояния психики лица (Ю.С. Богомягков)¹.

Прямо не указывая на наличие юридического критерия, но обративших внимание на то, что невменяемость не ограничивается психическим состоянием лица обратили внимание Б.А. Протченко², назвав юридическими и подлежащими установлению судом при определении невменяемости такие обстоятельства как факт совершения лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом и наличие в содеянном составе деяния невменяемого, а также А.А. Хомовский³, который к условию невменяемости относил наличие самого деяния, предусмотренного уголовным законом, а также факт его совершения именно данным лицом.

Стоит отметить, что подход, основанный на выделении у невменяемости медицинского, психологического критериев, а также темпорального, порождает неопределенность в процедуре признания лица невменяемым, в определении субъекта, наделенного полномочиями по окончательной констатации невменяемости. Взгляды по данному вопросу содержат несколько правовых позиций, находящихся порой, в противоречиях между

¹ Богомягков Ю.С. Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки // Советское государство и право. – М.: Наука, 1989. - № 4. – С. 103.

² Протченко Б. Понятие невменяемости в советском уголовном праве // Правоведение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. - № 4. – С. 82.

³ Производство по применению принудительных мер медицинского характера в советском уголовном процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Хомовский А.А. – М., 1967.

собой, начиная с указания на то, что установление невменяемости фактически осуществляется судебно-медицинской экспертизой, которая определяет как медицинский, так и психологический критерии невменяемости, сведя роль органов уголовной юстиции к праву оперировать термином «невменяемость»¹, заканчивая возможностью мотивированно не согласиться с заключением судебно-психиатрической экспертизы², в том числе, предоставляя возможность принять иную правовую позицию о невменяемости лица в части психологического критерия невменяемости не только на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы, но и на основании анализа фактических обстоятельств дела³.

Большинство же авторов (Козаченко И.Я.⁴. Алиев В.М.⁵) указывают, что установление невменяемости осуществляется правоприменителем на основании и с использованием судебно-психиатрической экспертизы (экспертиз). Различные правовые взгляды по вопросу определения невменяемости, по нашему мнению обусловлены слабой разработкой её критериев, которые, по сути, отождествляют невменяемость с психическим состоянием лица, установление которого не относится к сфере специальных познаний органов уголовной юстиции. Указанное обстоятельство, в свою очередь, с целью придание невменяемости юридического характера переводит проблему критериев невменяемости в процессуальную плоскость, выраженную в вопросе определения субъекта, устанавливающего критерии невменяемости, хотя данная проблема является производной от разработанности критериев невменяемости и подлежит уяснению в рамках материального права.

¹ Аномальный субъект преступления. Проблемы уголовной ответственности.– М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. – С. 166.

² Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т.1: Общая часть / А.В. Наумов. – М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2016 – С. 174.

³ Полный курс уголовного права: В 5 т. /Под ред. А.И. Коробеева. Т.1: преступление и наказание. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008.– С. 103.

⁴ Уголовное право России. Часть Общая: учебник для бакалавров / под ред. Л.Л. Кругликов. – М: Проспект, 2014.– С. 184.

⁵ Уголовное право России: Общая часть: учебник / под ред. В.И. Гладких. – Ростов н/Д: Феникс, 2017 – С. 193.

Полагаем, что не совсем верно отождествлять содержание экспертизы с невменяемостью, поскольку сами по себе, медицинский и психологический критерии отражают лишь психическое состояние лица, не учитывая юридические факты, при наличии которых особое психическое состояние лица влечет возникновение уголовно-правовых правоотношений и становится невменяемостью. Обобщая указанные выше взгляды на уголовно-правовой или юридический критерий невменяемости, стоит признать, что характеристика невменяемости в рамках медицинского и психологического критериев лишает эту категорию правового содержания, ибо при таком подходе невменяемость ограничивается характеристикой психического состояния лица.

Кроме того, стирается граница между состоянием невменяемостью, сформулированной в ч. 1 ст. 21 УК РФ и состоянием, когда психическое расстройство, лишаящее субъекта возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, возникает после совершения преступления, а также стирается грань между уголовно-правовой невменяемостью и состоянием невменяемости, предусмотренном в административном законодательстве. В этой связи представляется верным подход, основанный на выделении трех критериев невменяемости: медицинского, психологического и юридического (уголовно-правового).

Близкими по содержанию к невменяемости в уголовном праве являются понятия «психические расстройства, не исключающие вменяемость» и «аффект».

Не всякие психические расстройства ведут к признанию лица полностью невменяемым. На этот случай законодателем предусмотрена такая категория, как «расстройство, не исключающее вменяемости» (ч. 1 ст. 22 УК РФ). Так называемая ограниченная вменяемость характеризуется тем, что лицо, признанное таковым, хотя и не в полной мере, но способно осознавать

фактический характер и общественную опасность своих действий, соответственно, может и должно понести наказание за содеянное.

Такое состояние чаще всего не относится судом даже к смягчающим вину обстоятельствам. Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ, рассматривая кассационную жалобу осужденного Тарана Р. П. на приговор по ст. 228 УК РФ от 26.11.2015 по делу № 18-УД15-84, установив наличие у него эмоционально-волевых нарушений, не исключающих вменяемости, не нашла оснований для признания их смягчающим вину обстоятельством.

Аффект – это внезапно возникшее сильное душевное волнение. В отличие от невменяемости он является следствием не столь глубокого изменения психики, чтобы лицо не могло не осознавать, что совершает общественно опасное деяние.

Признание лица невменяемым находится в исключительной компетенции суда. Он дает оценку юридическому критерию с учетом всех обстоятельств дела и выводов судебно-психиатрической экспертизы, назначение которой является обязательным при наличии соответствующих сомнений во вменяемости обвиняемого (ст. 196 УПК РФ).

Основаниями для назначения экспертизы может стать наличие в «анамнезе» таких фактов, как оказание любого вида психиатрической помощи ранее, обучение в учебных заведениях для лиц с задержкой или отставанием в развитии, черепно-мозговые травмы, различные странные поступки или высказывания (постановление Пленума Верховного суда РФ «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» от 07.04.2011 № 6).

Расследование уголовного дела в отношении лица, у которого обнаружены признаки невменяемости, как правило, заканчивается направлением дела в суд для решения вопроса о назначении ему принудительных мер медицинского характера (ст. 97 УК РФ). В случае если суд придет к выводу, что больной не представляет опасности для себя и

окружающих, он отказывает в применении принудительной меры медицинского характера и прекращает уголовное дело. Больного направляют на лечение в порядке законодательства о здравоохранении (ч. 4 ст. 97 УК РФ).

Лицо, направленное на принудительное лечение, не реже одного раза в 6 месяцев подлежит медицинскому освидетельствованию на предмет его возможного выздоровления (ч. 2 ст. 102 УК РФ). В случае выздоровления оно может понести впоследствии уголовную ответственность, при условии, что преступление совершено в условиях вменяемости, а состояние, вызвавшее неспособность осознавать свое поведение и руководить им, наступило позже.

2.2 Критерии невменяемости

Медицинский критерий невменяемости выражен в ст. 21 УК РФ указанием на наличие у лица хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики.

В современной отечественной литературе он определяется неодинаково, и с одной стороны, рассматривается как законодательная конструкция, что отражается в дефинициях, определяющих его через обобщенные группы психических расстройств, указанных в уголовном законе, либо нарушения психики, указанные в уголовном законе, а с другой стороны - как юридический факт, связанный с наличием у лица психического расстройства (болезни) конкретного вида или охватывающего различные психические заболевания (т.е. данный подход фиксирует внимание на юридическом факте – наличие у лица психического заболевания).

Примером первого подхода может служить определение Е.В. Серединой указывающей, что «медицинский (биологический) критерий невменяемости указывает на различные формы болезненных расстройств психической деятельности и, согласно закону, устанавливает четыре признака:

хроническое психическое расстройство; временное психическое расстройство; слабоумие; иное болезненное состояние психики»¹.

Примером второго подхода является определение Ю. Е. Пудовочкина, согласно которому «Медицинский критерий невменяемости характеризуется наличием у лица психической патологии (расстройства)»². Согласно третьей точки зрения, медицинский критерий рассматривается как смешанное понятие, объединяющее с одной стороны юридический факт, связанный с наличием у лица психического заболевания, а с другой стороны описывающее психическое заболевание в терминах, определенных в уголовном законе. Примером может быть определение А.М. Смирнова, который определяет медицинский критерий как наличие у лица болезненного состояния психики, которое проявляется в четырех видах: хронических психических расстройств, временных психических расстройствах, слабоумии, иных болезненных состояний психики.

Возражая относительно определения медицинского критерия как «обобщающего перечня болезней» Р.И. Михеев, указывает, что такую трактовку нельзя признать правильной, поскольку «в действительности не перечень болезней, а только та или иная конкретная клиническая форма психического расстройства (иначе - болезнь или болезненное состояние) может быть признана таким критерием в данном случае. Не «перечень» и не «виды» клинических форм психических расстройств, а лишь конкретная форма психического расстройства является признаком медицинского критерия невменяемости».

Вместе с тем, полагаем, что Р.И. Михеевым не сделано различий между медицинским критерием невменяемости как обстоятельством имеющим место в реальной действительности, при котором медицинским критерием невменяемости признается конкретная форма психического расстройства, и как юридической конструкции, используемой в правовом регулировании

¹ Уголовное право: учебник для бакалавров: в 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – С. 183.

² Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 184.

общественных отношений, допускающей обобщение посредством выделения общих признаков в силу невозможности охвата всех форм психических расстройств. Обобщение психических расстройств в отдельные группы в силу их многообразия и невозможности охвата всех видов психических патологий в одной норме, а также их условный характер, используемые преимущественно как инструмент юридической техники исключает на наш взгляд возможность определения медицинского критерия невменяемости как наличие у лица психического заболевания одной из форм, указанных в законе. В указанном определении совмещаются два разных явления – юридический факт, выраженный в наличии у лица психического заболевания и закрепленный в законе перечень психических расстройств которые наоборот представляют собой правовое основание для признания лица невменяемым.

Таким образом, при таком подходе реально существующий юридический факт смешивается (отождествляется) с правовой конструкцией, объединяя два различных по своей природе явления, что противоречит здравому смыслу и правилам формальной логики (закон исключенного третьего). В этой связи, полагаем возможным, определить медицинский критерий невменяемости в двух значениях.

В первом значении медицинский критерий невменяемости понимается как юридический факт, связанный с наличием у лица болезненного расстройства психики определенного вида. Указанное значение используется при решении вопроса о невменяемости применительно к конкретному случаю и конкретному человеку.

Во втором значении медицинский критерий определяется как описанные в законе формы патологических (болезненных) состояний психики. В этом значении медицинский критерий невменяемости используется как законодательная модель, являющаяся основанием для невменяемости как законодательной конструкции.

Применительно ко второму понятию стоит согласиться с позицией Г.В. Назаренко о недопустимости определять медицинский критерий через «перечень психических болезней», «различных видов психических заболеваний», «различного рода психических расстройств», поскольку в законе речь идет не о психических болезнях и УК РФ «не ориентирует правоприменителя на установление диагноза психического заболевания: в содержании медицинского критерия включает указание на формы патологических состояний психики...»¹.

Анализ юридической литературы показывает, что характеристика форм (видов) патологических состояний психики, описанных в законе единообразна. Однако, несмотря на относительное единство в описании форм (видов) патологических состояний психики, описанных в законе, в литературе не наблюдается единства относительно внутреннего содержания медицинского критерия и его юридико-техническое оформления.

Ряд ученых указывают, что приведенные в ст. 21 УК РФ формы патологических состояний психики не имеют какое-либо самостоятельное правовое значение и лишены смысловой нагрузки, обращая внимание на условность отнесения психической болезни к тому или иному виду, отсутствием четких критериев для отграничения одних видов заболеваний от других (С.Н. Шишков, Р.Р. Тугушев, В.Б. Первомайский), замечая, что главным в определении медицинского критерия должно быть указание на болезненный характер расстройства психики, что не в полной мере оправдывается используемыми в законе конструкциями.

В частности обращается внимание, что болезненный характер расстройства психики находит выражения в хронических душевных болезнях и в иных болезненных состояний психики, в то время как временное расстройство душевной деятельности не отнесено законодателем к болезненным и в принципе может подразумевать физиологический аффект в

¹ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. VII. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. I. Субъект преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 201.

его нынешнем понимании, также как не отнесено к болезненным состояниям и слабоумие (В.Б. Первомайский).

В связи с чем, в литературе ограничивают содержание медицинского критерия понятием «хроническое или временное болезненное расстройство психической деятельности», «болезненного расстройства психической деятельности», «психическое расстройство»¹, обобщая всю патологию психики.

В определении СК ВС РФ от 14.07.2004 № 38-004-1 отражена правовая позиция Верховного суда РФ, в соответствии с которой, «любое болезненное состояние психики, в силу которого лицо не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, исключает уголовную ответственность такого лица».

Вместе с тем представляется, что не будет противоречить истине утверждение о том, что указанная в уголовном законе детализация медицинского критерия невменяемости, выраженного в описании его посредством использования обобщенного перечня форм патологических состояний психики обусловлена практическими требованиями, адаптирована под нужды практики и отражает эволюцию указанного критерия, и отказ от указанной формулы фактически вернет уголовное законодательство в то состояния, и на тот период, когда формировался медицинский критерий невменяемости и приведет к отрицанию эволюционного изменения законодательства. В связи с этим полагаем, отсутствует необходимость в изменении и сокращении формулы медицинского критерия невменяемости с учетом их условного характера перечисленных в уголовном законе форм психических расстройств и их адаптацией и апробирование правоприменительной практикой. Так, например, В ходе расследования уголовного дела возникли сомнения в психической

¹ Невменяемость: уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Тугушев Р.Р. – Саратов, 2002. – С. 84.

полноценности Григорьевой Е.Б., в связи с чем, ей была проведена амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза.

Согласно заключению комиссии экспертов № 03/3-01 2361/1 от 20 июля 2017 года Григорьева Екатерина Борисовна, 25 марта 1983 года рождения страдает в настоящее время и страдала в период времени, относящийся к правонарушению, в совершении которого она подозревается хроническим психическим расстройством в форме: «Параноидной шизофрении. Галлюцинаторно-бредовым синдромом. Психопатоподобным дефектом личности». Об этом свидетельствуют данные анамнеза и медицинской документации о наличии с 2011 года, галлюцинаторно-бредовой симптоматики сопровождающейся психопатоподобным поведением с агрессией, алкоголизацией, что обуславливало ее неоднократные госпитализации в психиатрический стационар. На это указывают и выявленные при настоящем освидетельствовании характерные признаки шизофрении, а именно: выраженные нарушения эмоционально-волевой сферы, продуктивные (галлюцинаторно-бредовые) переживания, характерные нарушения мышления в виде паралогичности, резонерства, соскальзывания, отсутствие критики к своему состоянию и совершенному правонарушению. Указанные психические нарушения у Григорьевой Е.Б. достигают значительной глубины, сопровождаются расстройством критических и прогностических способностей и лишали ее в период времени, относящийся к правонарушению, в совершении которого она подозревается, способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

В настоящее время Григорьева Е.Б. по своему психическому состоянию не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них показания и самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве. Ввиду имеющихся психических расстройств, склонности к повторным

правонарушениям с возможностью причинения иного существенного вреда, опасностью для себя и окружающих Григорьева Е.Б. нуждается в применении принудительных мер медицинского характера. С учетом наличия агрессивных тенденций, негативизма, галлюцинаторно-бредовой симптоматики, отсутствием критики, отказами от лечения вне стационара, комиссия считает необходимым принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа (л.д.58-60).

Согласно ст.21 УК РФ не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно-опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики.

Лицу, совершившему предусмотренное уголовным законом общественно-опасное деяние в состоянии невменяемости, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера.

В соответствии с ч.1 ст.443 УПК РФ признав доказанным, что деяние, запрещенное уголовным законом, совершено данным лицом в состоянии невменяемости или что у этого лица после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, суд выносит постановление в соответствии со статьями 21,81 УК РФ об освобождении этого лица от уголовной ответственности или от наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера.

В рамках данного вопроса стоит критически отнестись к позициям авторов о включении психологического критерия невменяемости в содержания медицинского, мотивирующих это тем, что поскольку в законе психологический критерий выражен в отрицательном виде, то «по закону содержание психологического критерия при невменяемости отсутствует» и

«логика определения понятий исключает использование отсутствующего признака в качестве критерия чего-либо». Указанные критерии характеризуют различные психические состояния человека с различных сторон (аспектов), которые могут не совпадать между собой.

Медицинский критерий невменяемости характеризует психическое состояние человека обусловленного наличием у него психический расстройств, в то время как психологический критерий характеризует психическое состояния человека со стороны его психической деятельности, при котором исключается сознательно-волевая регуляция его поведения. Поскольку психическое расстройство не всегда влечет дефекты со стороны психической деятельности личности указанные критерии невменяемости являются самостоятельными и оснований к их отождествлению не имеется.

Психологический критерий невменяемости выражен в ст. 21 УК РФ и указывает на невозможность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

В литературе психологический критерий определяется двояко, как юридический факт, заключающий в отсутствии у лица способности осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения или руководить им, либо как юридическая конструкция, понимаемая как обобщенная характеристика психического состояния, которая включает интеллектуальный признак, выраженный в невозможности осознавать фактический характер и значение своих действий или бездействия и волевой признак, заключающий в неспособности руководить своим поведением.

Примером первого подхода является определение Колчевского И.Б., в соответствии с которым, «юридический критерий невменяемости выражается в неспособности лица в момент совершения преступления осознавать общественно опасный характер своих действий и их последствий или

выражать свою волю, руководить своими действиями»¹. Второй подход представлен определением Е.В. Топильской, указавшей, что «юридический критерий невменяемости - это обобщенная характеристика психического состояния, которая включает два признака: интеллектуальный – невозможность осознавать фактический характер и значение своих действий или бездействия, и волевой – неспособность руководить своим поведением. Юридический критерий называют также психологическим»².

Имеет место также и смешанная концепция, когда факт неспособности лица к сознательно-волевому поведению характеризуется через систему признаков, закрепленных в законе. Показательно в этой связи определение В.В. Орехова, согласно которому «юридический критерий заключается в отсутствии у лица во время совершения преступления возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения (интеллектуальный признак) или руководить им (волевой признак)»³.

При этом ряд авторов, не меняя содержательную характеристику психологического критерия, выраженную в отсутствии сознательно-волевой регуляции субъекта, при его определении обращают внимание на то, что он имеет оценочный характер, на его связь с медицинским критерием, который является причинной его возникновения, на его связь с временем совершения общественно опасного деяния, на то, что выражает глубину, степень (тяжесть) психического расстройства, характеризует психическое состояние лица. На наш взгляд, психологический критерий невменяемости как юридическая конструкция может быть определен как обобщенная характеристика психического состояния лица, выраженная в отсутствии у него способности осознавать фактический характер и общественную

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко, науч. Ред. А.С. Михлин. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2008 – С. 228.

² Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. – СПб: МИЭП, 2009. – С. 428.

³ Уголовное право России: Общая часть: учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. – СПб, 2006. – С. 138.

опасность своего поведения (действий и бездействия) (интеллектуальный признак) и (или) руководить им (волевой признак).

Как юридический факт, в рамках которого решается вопрос о невменяемости к конкретному обстоятельству и конкретному лицу, психологический критерий невменяемости можно определить, как отсутствию у лица способности осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения и (или) руководить им. При этом в специальной литературе обращается внимание, что поскольку в данном случае речь идёт о психологическом качестве, более адекватным является понятие «неспособность», чем «невозможность», которое больше ассоциируется с внешними обстоятельствами: способность может быть сохранена, но не реализована вследствие отсутствия возможности, т. е. необходимых внешних условий.

Интеллектуальный момент (признак, элемент, критерий) психологического критерия заключается в невозможности осознавать фактический характер и общественную опасность действий (бездействия), а волевой - в невозможности руководить действием (бездействием). Несмотря на категорические высказывания ученых (С.В. Бородина и С.В. Полубинской) о том, что противоправность не входит в содержание интеллектуального критерия, представляется, что противоправность хотя и не всегда должна входить в интеллектуальный признак психологического критерия невменяемости, но и исключать ее также не следует, так как отдельные уголовно-правовые запреты требуют от лица осознание противоправности своего поведения.

В этой связи небезынтересно позиция А.А. Тер-Акопова, в соответствии с которой «Сознание лицом общественно опасного характера деяния включает и понимание правовой стороны совершаемого действия (бездействия). Правовая характеристика деяния включает, в первую очередь, его уголовную противоправность», и указавшего в связи с этим, что возможно «признание своеобразного состояния невменяемости, когда лицо по обстоятельствам

дела не могло осознавать противоправность в силу, например, временного психического расстройства, либо сложившейся конкретной ситуации».

Таким образом, полагаем, что в случаи, если состав деяния предполагает осознание лицом специальных правил, то отсутствие их осознания в силу болезненного состояния психики исключает вменяемость лица, при наличии всех других признаков. Обращает также на себя внимание буквальное требование закона о необходимости одновременного наличия неспособности к осознанию общественной опасности и фактического характера действий, в то время как в практике возможны различные комбинации интеллектуального элемента невменяемости, при которых отсутствовать может альтернативно как один из этих элементов, так и все одновременно.

Исходя из законодательной конструкции ч.1 ст. 21 УК РФ интеллектуальный и волевой элементы психологического критерия невменяемости соединены союзом «либо», что обозначает, что для признания лица невменяемым необязательна их совокупность и достаточно наличие одного из признаков: интеллектуального или волевого. В литературе имеют место суждения отдельных авторов (А.В. Бриллиантов, И.А. Клепицкий, В. В. Лень) согласно позициям которых, наличие интеллектуального признака невменяемости всегда влечет наличие волевого признака, связанного с неспособностью лица контролировать свое поведения, в то время как расстройство волевой сферы не исключает возможность осознания лицом своего поведения. Имеют место и диаметрально противоположные суждения, указывающие на единство сознания и воли и соответственно невозможности раздельного существования интеллектуального и волевого признаков.

Современная психиатрия, а также исследования на предмет установления невменяемости допускают возможность сохранения интеллектуальной способности лица при качественных нарушениях волевой сферы, вследствие чего, с точки зрения практической деятельности основания для

категоричного утверждения о единстве сознания и воли при болезненных нарушениях психической деятельности не имеется.

В этой связи, представляется, что вопрос о правильном формулировании психологического критерия в контексте соотношения интеллектуальной и волевой сфер человеческой деятельности должен решаться с учетом мнений психиатров и психологов, современной практики, поскольку кроме всего прочего этот вопрос касается медицинских, психологических, психиатрических аспектов и в настоящее время не исключена как совокупность качественных нарушений интеллектуальной и волевой деятельности, либо наличие только нарушение волевой деятельности и отрицается возможность нарушение интеллектуальной деятельности без поражения волевой деятельности. В.Н. Волков отмечает, что «в судебно-психиатрической практике встречаются случаи, когда у личности сохраняется формальная способность оценить ситуацию, но снижается (утрачивается) возможность удержаться от поступка – руководить своими действиями. В юридическом критерии в таких случаях превалирует волевой признак (недостаточность).

Юридический (уголовно-правовой) критерий невменяемости как самостоятельный критерий начал формироваться в советский период развития уголовно-правовой мысли, однако его содержание все время изменяется. Несмотря на большой разброс мнений, относительно содержания юридического критерия невменяемости, представляется целесообразным на основе анализа доктрины уголовного права о невменяемости, статей уголовного закона, а также положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 ограничить юридический (уголовно-правовой) критерий тремя признаками.

Первый признак юридического критерия невменяемости заключается в совершении физическим лицом, достигшим возраста уголовной ответственности (а в случае, предусмотренном соответствующим составом, лицом, обладающим признаками специального субъекта) общественно

опасного деяния (действия или бездействия), содержащего объективные признаки уголовно-правового запрета, предусмотренного статьями Особенной части УК РФ. Указанный признак характеризует деяние и лицо, его совершившее, по отношению к которым определяется психического состояние субъекта, позволяющее судить о наличии или отсутствии правового состояния невменяемости. Указание на совершение общественно опасного деяния содержится в ч. 1 ст. 21 УК РФ, которая связывает состояние невменяемости с его совершением, равно как и указание на лицо, которое совершило это деяние и в отношении которого устанавливается состояние невменяемости.

На общественно опасное деяние при установлении невменяемости содержится указание и в п. 2 и п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера». Так, в п. 2 вышеуказанного постановления, обращено внимание судебных органов, что принудительные меры медицинского характера являются мерами уголовно-правового характера и применяются только к лицам, совершившим предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости...». В п. 20 данного постановления отражено, что при признании лица невменяемым и применении к нему принудительных мер медицинского характера «в описательной части постановления должны быть изложены установленные судом обстоятельства содеянного на основании исследованных доказательств, дана юридическая оценка действиям такого лица и приведены мотивы принятого решения».

При характеристике данного признака следует учесть, что невменяемость может иметь место в отношении только таких деяний, когда нет сомнений, что такое деяние при наличии у лица признака вменяемости содержит все признаки состава преступления. Если же есть сомнения и органы уголовной юстиции придут к убеждению, что деяние, совершенное лицом, у которого имеются признаки невменяемости и при наличии признаков вменяемости, не

содержит признаков состава преступления (необходимая оборона, невиновное причинение вреда и т.п.), то невменяемость исключается, а вопрос о принудительном лечении должен решаться в порядке, установленном законодательством в сфере охраны здоровья.

Наличие лица, совершившего общественно опасное деяния является самостоятельным признаком юридического критерия невменяемости, и хотя наличие общественно опасного деяния включает в себя указание на его субъект, тем не менее, его субъекта не следует относить к признакам общественно опасного деяния, так как деятель не может быть частью своего деяния. Необходимо различать общественно опасное деяние и состав общественно опасного деяния, являющей умозрительной конструкцией, куда физическое лицо не может быть отнесено.

Человек не может быть частью своего деяния, а является деятелем, который совершает это деяние и его следует рассматривать отдельно. Человек не сводится к сумме его поступков. В п. 17 Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 обращено внимание на то, что в ходе судебного заседания суду надлежит в установленном законом порядке проверять, доказано ли, что деяние, запрещенное уголовным законом, совершено именно этим лицом, устанавливая обстоятельства, свидетельствующие об опасности лица для себя или других лиц либо о возможности причинения им иного существенного вреда в связи с наличием у него психического расстройства, а также иные обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с частью 2 статьи 434 УПК РФ.

Вторым признаком юридического критерия невменяемости является временной или темпоральный, охватывающий своим содержанием совпадение во времени факта совершения общественно опасного деяния с патопсихологическим состоянием психики лица, исключающего возможность сознательного и (или) волевого поведения.

Указанный признак прямо вытекает из ч. 1 ст. 21 УК РФ, который заключен в словах «во время совершения общественно опасного деяния», а

также из абз. 1 п. 2 и абз. 2 п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6, где сказано, что «на разрешение экспертов необходимо ставить вопросы, позволяющие выяснить характер и степень психического расстройства во время совершения предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, в ходе предварительного расследования или рассмотрения дела судом установить, могло ли лицо в указанные периоды осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими».

Показательным в этой связи является также Постановление президиума Верховного Суда Республики Татарстан от 29 апреля 2015 года по делу № 4У-600/2015 в котором кассационная инстанция указала, что «вывод о совершении ... инкриминируемого деяния в состоянии невменяемости в заключении экспертизы отсутствует. Заключение экспертизы содержит выводы о том, что на время её производства у Исупова А.В. обнаруживаются признаки временного психического расстройства в форме реактивного психоза, он не может осознавать фактический характер своих действий или руководить ими, и нуждается в принудительном лечении в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением, до выхода его из болезненного состояния. После этого рекомендовано направить его на судебно-психиатрическую экспертизу.

Таким образом, заключение судебно-психиатрической экспертизы в отношении Исупова А.В. не давало оснований для вывода о совершении им деяния в состоянии невменяемости и освобождения его в связи с этим от уголовной ответственности. Однако, несмотря на это, данное уголовное дело направлено прокурором в суд для применения в отношении Исупова А.И. принудительных мер медицинского характера и необходимость этих мер вызвана, как это мотивировано в постановлении следователя, тем, что запрещенное уголовным законом деяние, предусмотренное частью 4 статьи 111 УК РФ, им совершено в состоянии невменяемости. Допущенная органом

предварительного расследования ошибка в оценке психического статуса и характера возникших в связи с этим правовых последствий, выразившаяся в неверном указании основания для применения принудительных мер медицинского характера, была оставлена судом без внимания, и, более того, усугублена констатацией не указанных в заключении судебно-психиатрической экспертизы качеств того же статуса».

Третьим признаком юридического критерия является установление юридического факта невменяемости лица и закрепление этого факта в процессуальных документах. Рассматриваемый признак заключает в себе вывод о невменяемости лица на основании психологического (патопсихологического), медицинского критериев и первых двух признаков юридического критерия. В обосновании выделения данного признака необходимо обратить внимание, что никто кроме органов уголовной юстиции не наделен правом на определение невменяемости и её закрепления в официальных процессуальных документах, в отсутствие которых невменяемость исключается.

Прямо указанный признак не содержится в законодательстве, но в то же время он сформирован правоприменительной практикой, согласно которой эксперту ставятся вопросы не о вменяемости лица, а о его психическом состоянии, на основании заключения которого суд констатирует невменяемость.

Так, в Кассационном определении СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 марта 2010 г. № 53-О10-2 указано, что разрешение вопроса о вменяемости подсудимого находится в исключительной компетенции суда, который с учетом имеющихся в материалах дела данных и поведения подсудимого в судебном заседании принимает решение о вменяемости (либо невменяемости) подсудимого либо о назначении новой судебно-психиатрической экспертизы в случае, если суд приходит к выводу, что ранее проведенная экспертиза является недостаточно обоснованной и имеются основания сомневаться в психической полноценности подсудимого.

При этом в ряде судебных актов в постановочной части содержится в качестве констатирующего признака вывод суда о признании лица совершившим запрещенное уголовным законом деяние, попадающее под признаки состава преступления, в состоянии невменяемости.

Так, в постановлении Мирового судьи судебного участка № 82 района Лианозово города Москвы от 23 мая 2012 года по делу №1-15/2012 в отношении А., обвиняемого в совершении запрещенного уголовным законом деяния, попадающего под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 119 ч. 1 УК РФ в резолютивной части постановлено: «А.. признать совершившим запрещенное уголовным законом деяние, попадающее под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 119 ч.1 УК РФ в состоянии невменяемости, и на основании ст.21 УК РФ от уголовной ответственности Андрушой Н.И. по ст. 119 ч.1 УК РФ освободить»¹. Таким образом, констатацию невменяемости органами уголовной юстиции и ее закрепление в процессуальных документах можно отнести к признаку уголовно-правового критерия невменяемости и невключение данного признака в уголовно-правовой критерий создает предпосылки искаженного понимания невменяемости, как психического состояния лица, установленного экспертами, лишая тем самым правоприменительный орган исследовать вопрос не только о психическом состоянии лица (так как это вопрос, требующий специальных знаний), но и о наличии правовых признаков, являющихся неотъемлемыми компонентами невменяемости. Содержание данного признака также образует проверка судебно-психиатрической экспертизы, заключающейся в установлении соответствия выводов экспертов собранным по делу доказательствам, соответствия разрешаемых вопросов, компетенции экспертов, полноты заключения, ясности изложения, непротиворечивости доводов между собой. Таким образом, юридический (уголовно-правовой) критерий невменяемости можно

¹ Постановление Мирового судьи судебного участка № 82 района Лианозово города Москвы от 23 мая 2012 года по делу №1-15/2012.

определить как совокупность признаков, характеризующих юридическое основание для признания лица невменяемым.

Несмотря на то, что в уголовно-процессуальном законодательстве признать лицо невменяемым может не только суд, но и также следователь или дознаватель (ст. 439 УПК РФ), правильной будет вопрос о признании лица невменяемым оставить на разрешение исключительно суда. Это позволит предупредить случаи необоснованного признания лица невменяемым, а также полно и всесторонне установить причастность лица к инкриминируемому деянию, необходимость применения к нему принудительных мер медицинского характера. При этом лица, страдающие психическими расстройствами в ряде случаев, не могут самостоятельно защищать свои права и законные интересы, и требуют в связи с этим повышенный уровень их охраны, обусловленный, в том числе, фактом признания их невменяемыми, который можно обеспечить в рамках судебного рассмотрения дела в условиях состязательности процесса.

В формулировке ст. 21 УК РФ по тексту ч. 1 используется сочетание как «состояние невменяемости», без конкретизации, какое именно состояние имеется в виду (психическое, правовое и т.п.). В общеупотребительном смысле понятие «состояние» в одном из своих значений, приближенном к рассматриваемому вопросу представляет собой «положение, внешние или внутренние обстоятельства, в которых находится кто-что-нибудь» и в этом отношении, можно сказать, что используемое сочетание представляет собой общую абстракцию, призванную обозначить положения лица по отношению к его уголовно-правовому статусу (положению), и в данном случае указывает на его правовое состояние - состояние невменяемости. В целях законодательного закрепления правовой природы невменяемости и наиболее четкого выражения юридического (уголовно-правового) критерия предлагаем закрепить в ст. 21 УК РФ следующее определение невменяемости: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости.

Под состоянием невменяемости следует понимать установленную судом на основании экспертного заключения неспособность лица во время совершения общественно опасного деяния, предусмотренного статьями Особенной части настоящего Кодекса, осознавать фактический характер, общественную опасность своих действий (бездействия) и (либо) руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики».

2.2 Правовые последствия признания ограниченной вменяемости

В действующем Уголовном кодексе термин «ограниченная вменяемость» (синонимы: «неполная вменяемость», «относительная вменяемость», «пограничная вменяемость», «пониженная вменяемость», «уменьшенная вменяемость», «частичная вменяемость») не используется. При этом определенное распространение получило мнение, согласно которому ст.22 УК впервые в уголовном законодательстве России, по сути, выполняет функции «ограниченной вменяемости».

Так, в частности, А.Н. Игнатов утверждает, что норма (ст.22 И.Б.) «об учете особого психического состояния вменяемого лица, по существу, решает вопрос именно об уменьшенной вменяемости».

Но так ли это на самом деле? Ведь, несмотря на существование в доктрине уголовного права термина «ограниченная вменяемость», последний отличает отсутствие общепринятого и обоснованного с позиций данной науки определения. Кстати, представления об «ограниченной вменяемости» проблеме из области уголовного права можно встретить и в психологической, и в психиатрической литературе, что на наш взгляд, является недопустимым. Это тоже самое, что если бы по поводу психического состояния, включая психические расстройства, высказывались бы юристы.

Анализ современной литературы по уголовному праву позволяет высказаться о присутствии в ней в основном двух подходов в понимании термина «ограниченная вменяемость»: первый психологопсихиатрический («неспособность лица в силу психического расстройства в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими»; «психическое состояние лица, не исключающее уголовную ответственность и наказание, при котором во время совершения преступления была ограничена способность отдавать себе отчет в своих действиях, бездействии (сознавать фактическую сторону и общественную опасность деяния) или руководить ими в силу расстройств психической деятельности (психические аномалии)»; второй уголовно-правовой (варианты: «промежуточное состояние между вменяемостью и невменяемостью»; «составная часть вменяемости»; «степень вменяемости, определяемая в рамках общей вменяемости»). Второй подход, как и его вариант: «составная часть вменяемости», представляются более подходящими для раскрытия смысла рассматриваемого понятия.

Все-таки «ограниченная вменяемость» термин «уголовно-правовой» и со своей историей. «Ограниченную вменяемость» характеризуют следующие признаки: принадлежность к категориям уголовного права; отнесение к совокупности «психическое состояние группы лиц с психическими аномалиями, совершивших преступления»; составная часть вменяемости «предпосылка уголовной ответственности лиц с психическими аномалиями, совершивших преступления»; обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность, но не имеющее самодовлеющего значения, и учитывающееся судом при назначении наказания в совокупности с другими данными и обстоятельствами, характеризующими преступление и личность подсудимого; «никогда и ни при каких условиях не допускающее отнесение к обстоятельствам, отягчающим ответственность»; «служит основанием для определения режима содержания осужденных к лишению свободы и назначения принудительного лечения, сочетаемого с наказанием»; «имеет

уголовно-правовое значение для выявления распределения ролей соучастников при групповых преступлениях»; «относится только ко времени совершения лицом преступления и самостоятельно никаких правовых или иных последствий после отбытия наказания не влечет»; констатация прерогатива следователя и суда на основании заключения судебной экспертизы.

Обилие перечисленных признаков, с отдельными из которых трудно согласиться (например, Ю.М.Антонян и С.В.Бородин «ограниченную вменяемость» относят к обстоятельствам, смягчающим уголовную ответственность, но если согласиться с тем, что «ограниченная вменяемость» это все-таки вменяемость, то тогда признак субъекта преступления никак не может быть обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность), лишний раз показывают на сложность формулирования определения понятия «ограниченная вменяемость».

Если относиться к данному пониманию «ограниченной вменяемости» строго с научных позиций, то тогда, например, «ограниченно вменяемых» можно представить в виде отдельной группы, на которую не будет распространяться общее понятие вменяемости как предпосылки уголовной ответственности. В этом случае данное выделение будет противоречить нормам существующего уголовного законодательства. Отсюда следует, что «ограниченная вменяемость не является промежуточным состоянием между вменяемостью и невменяемостью, поскольку такого промежуточного состояния быть не может». «Ограниченная вменяемость» это по сути та же вменяемость. Ведь если исходить из общих принципов уголовного права, субъект, с точки зрения предпосылок уголовной ответственности, либо вменяем, либо нет.

Все что-то другое в этом понимании заслуживает своей критической оценки; это попытки, пока все еще недостаточно обоснованные с позиций уголовно-правовой науки. Законодатель поступил совершенно правильно, не включив данное понятие в Уголовный Кодекс. Признание вменяемыми лиц с

психическим расстройством в той формулировке, которая представлена в ст.22 УК РФ («Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости»), подразумевает обязательный учет наличия нездоровья в области психической сферы и, как следствие, другое отношение, чем к совершившим преступление и не страдавшим при этом психическим расстройством («учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера»).

В противном случае, следует признать «нейтральность» присутствия психического расстройства у данных лиц и «нулевое» его влияние на преступное поведение. Но если бы это было именно так, то тогда и не было бы общепризнанной проблемы, связанной с преступным поведением лиц, страдающих психическим расстройством. Безусловно, психическое расстройство способно повлиять на совершение преступления. И степень этого влияния никак не может быть в 100%-ом (полном или максимальном) варианте (ст.22: «не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими»). 100%-ый вариант однозначно соответствует невменяемости, т.е. такому состоянию, когда лицо с психическим расстройством в полной мере «не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими». В этом случае имеет место уже не совершение преступления, а общественно опасного деяния, так как поведение человека определяло психическое расстройство. Последнее лишало его способности совершать деяние виновно (умышленно или по неосторожности).

Таким образом, о влиянии психического расстройства на совершение преступления можно говорить, только если нет этого 100%-го варианта (при этом «нулевой» вариант исключается). Можно ли связывать понятие «ограниченная вменяемость» со ст.22 УК РФ? Выполняет ли данная норма функции «ограниченной вменяемости»? Какова все-таки смысловая нагрузка

ст.22 УК РФ? Каковы результаты от ее применения? Попытаемся ответить на все эти вопросы. Во-первых, из ч.1 следует, что и лица, совершившие преступления без психического расстройства, и те, у которых имелось психическое расстройство на время совершения преступления, подлежат уголовной ответственности на общих основаниях («на равных»). Но, как следует из выделенного текста статьи, понятием «уголовная ответственность» применительно к вменяемым лицам с психическим расстройством, законодатель охватил и наказание, и такие «иные меры уголовно-правового характера» как принудительные меры медицинского характера.

Последние, назначаемые наряду с наказанием лицам, совершившим преступления и нуждающимся в лечебном воздействии по поводу наличия психических расстройств одна из форм реализации уголовной ответственности. При этом «самостоятельного значения она не имеет и может применяться лишь в дополнение к наказанию».

Данное понимание проблемы следует считать справедливым, так как в широком смысле слова помещение в психиатрический стационар, по сути, есть не что иное, как лишение свободы. Указание же на наказание и на принудительное медицинское воздействие (принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение не являются синонимами; об этом достаточно убедительно свидетельствует, в частности, текст ст.99 УК РФ) вполне можно отнести к специфике данной нормы.

Таким образом, из ч.1 следует, что преступников с «психиатрическим» отягощением от себе подобных, но «здоровых», отличает дополняющее наказание принудительное медицинское включение. Уже одно это понимание позволяет согласиться с тем, что понятие «ограниченная вменяемость» в данном контексте имеет право на существование.

Формулировка ч.1 ст.22 УК РФ, таким образом, соответствует выше представленному смыслу понятия «ограниченная вменяемость». Безусловно, лица, совершившие преступление и страдавшие при этом психическим

расстройством, заслуживают другой, чем «здоровые» преступники, участи. Так, в варианте: «влияние на преступное поведение есть, но не на 100%» на смягчающее обстоятельство (в силу наличия психического расстройства на момент совершения преступления).

Ведь надо признать, что собственно эта достаточно многочисленная и увеличивающаяся в своем числе категория «нездоровых» преступников способствовала включению в Уголовный кодекс анализируемой нормы. Если же реален вариант: «влияние не установлено» (по разным обстоятельствам; в уголовном деле отсутствуют какие-либо сведения о связи психического расстройства с преступным поведением лица), то тогда наказание на общих основаниях.

При решении вопроса о наказании виновного в совершении преступления и страдавшего при этом психическим расстройством всегда, как представляется, необходимо исходить из следующего понимания: если у человека есть психическое расстройство, то он уже является больным, причем самым тяжелым для него и окружающих недугом. Он (психически нездоровый), как справедливо и совершенно правильно считали в прошлом, уже наказан (богом И.Б.). По сути, он ущербен во всех смыслах самым серьезнейшим образом. Сегодня игнорирование этого давным-давно известного понимания сути психического нездоровья представляется просто недопустимым.

Само по себе наказание для любого лица с психическим расстройством уже представляет фактор, дополнительно травмирующий его психику. Особенно подтверждает это и даже относительно длительное знакомство с отечественной «тюремной» действительностью. Современные гуманистические подходы к назначению наказания должны, по нашему мнению, с этим принципиально важным положением обязательно считаться. Ведь, как хорошо известно, причем достаточно давно, профилаксирует преступность все же не тяжесть наказания, а неотвратимость возмездия. Во-

вторых, «психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания» (ч.2).

Но если данное положение анализируемой статьи никак не конкретизируется (в статье не указывается, каким образом психическое расстройство у виновного учитывается судом, и каков механизм назначения наказания лицам, признанным вменяемыми с психическим расстройством), то в ч.3 ст.60 УК РФ аналогичный подход при назначении наказания представлен и более полно, и обстоятельно («при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи»).

В настоящее время по вопросу наказания преступников с психическим расстройством существует множество различных мнений, порой прямо противоречащих друг другу. Так, одни высказываются за безусловное снижение наказания этим лицам, другие признают фактор психического нездоровья нейтральным обстоятельством при назначении наказания, третьи считают возможным применение в отношении указанных лиц более жестких карательных мер. Ознакомление с литературой, судебной практикой, материалами изученных уголовных дел, анализ результатов проведенных исследований позволяют нам признать, что решение данного вопроса не может быть однозначным.

При этом необходимо исходить из следующего положения: суд, имея реальную возможность учитывать при назначении наказания любые обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, и принимая во внимание наличие установленного психического расстройства, не исключающего вменяемости, на время совершения преступления, должен определить степень влияния этого психического расстройства на принятие виновным преступного решения.

Если степень влияния психического расстройства на преступное поведение была устанавливаемой, но не в варианте: «в полной мере», то в этом случае, как представляется, необходимо учитывать психическое расстройство как смягчающее обстоятельство. Также мы считаем, что имеющиеся в научной литературе предложения¹ применять в отношении ограниченно вменяемых вместо кратких сроков лишения свободы любые более мягкие виды и меры наказания, а также условное осуждение довольно актуально, учитывая состояния исправительных учреждений в России.

Из рассмотренного следует, что приведенная ч.2 ст.22 УК РФ вполне может быть устранена из законодательства, как практически не несущая никакого смысла. Ее функцию «с запасом» выполняет ч.3 ст.60 УК РФ. К понятию «ограниченная вменяемость» рассмотренный фрагмент ч.2 никакого отношения не имеет. В-третьих, «психическое расстройство, не исключающее вменяемости, может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера» (ч.2).

По смыслу данного фрагмента текста статьи получается, что специфика «ограниченной вменяемости» в факультативном назначении принудительных мер медицинского характера. Но данное положение противоречит тому пониманию, что представлено в ч.1, в частности, если начальная часть статьи указывает на облигатный вариант применения принудительных мер медицинского характера, то конечная на необязательный. Налицо откровенное противоречие в самой норме.

Кроме того, эти специфические медицинские меры «назначаются только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц» (ч.2 ст.97 УК РФ). Но тогда справедливо возникает вопрос: При чем здесь «ограниченная вменяемость»? Вменяемость и ее «разновидность» «ограниченная вменяемость» суть правовые оценки на момент совершения преступления и только (в отношении указанных понятий речь всегда идет о ретроспективе).

Другое их понимание является неверным. Принудительные меры медицинского характера назначает суд, исходя из настоящей ситуации с психическим нездоровьем лица и возможной перспективой, обусловленной этой ситуацией. Ретрооценка при решении данного вопроса здесь совершенно неуместна.

Таким образом, с имеющимся в литературе и получившим определенное распространение мнением о ст.22 УК РФ как о норме, где представлена «ограниченная вменяемость», можно согласиться. Но при этом очень трудно удержаться от критики, пусть и не во всем, ее содержательной стороны. Кстати, критические замечания по поводу самой этой нормы и касательно ее применения можно найти во многих работах, посвященных данной проблеме.

Возраст является важным критерием возможности нести уголовную ответственность. В Российской Федерации, за небольшим исключением, к уголовной ответственности привлекают с 16 лет. Но несовершеннолетний может избежать наказания за содеянное, если, достигнув возраста уголовной ответственности, он не соответствует ему психически, имея отставание в развитии от сверстников (ч. 3 ст. 20 УК РФ).

Такое состояние психики не именуется расстройством. Для его установления назначают комплексную психолого-психиатрическую экспертизу. Но, поскольку речь идет не о психическом расстройстве, для широты и всесторонности исследования личности помимо психолого-психиатрической целесообразно ходатайствовать о назначении социально-педагогической экспертизы. Органами следствия Б. было предъявлено обвинение в изнасиловании малолетней с угрозой убийством и его действия квалифицированы по ч. 4 ст. 117 УК РСФСР. Судебной коллегией по уголовным делам Смоленского областного суда установлено совершение Б. покушения на изнасилование, предусмотренного ст. 30, п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ, однако от уголовной ответственности он освобожден на основании ч. 3 ст. 20 УК РФ.

Из исследованных судом материалов дела видно, что Б. по умственному развитию отстает от своих сверстников. Обучаясь в школе, он не научился писать и считать. По заключению экспертов, проводивших стационарную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, у Б. имеются признаки врожденного умственного недоразвития в форме олигофрении в легкой степени дебильности с эмоционально-волевыми нарушениями, и с учетом его личностных особенностей развития и поведения Б. не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершенных им противоправных действий и не мог в полной мере руководить ими.

С учетом указанных данных суд обоснованно пришел к выводу, что Б. по своему психическому развитию не соответствует четырнадцатилетнему возрасту, и правильно на основании ч. 3 ст. 20 УК РФ освободил его от уголовной ответственности. Как видим, отставание в психическом развитии эксперты обусловили не только наличием психического расстройства, но и личностными особенностями Б., что и позволило суду применить ч. 3 ст. 20 УК РФ.

Таким образом, признание лица невменяемым требует четкого уяснения сущности данного понятия, его назначения, правовых основ и последствий.

Сравнительный анализ положений ч. 3 ст. 20 УК РФ о «возрастной невменяемости» и ст. 22 УК РФ об «ограниченной вменяемости» приводит к выводу о нарушении принципа справедливости при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних, которые не могут в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. В соответствии со ст. 22 УК РФ, если такая неспособность вызвана психическим расстройством, лицо подлежит уголовной ответственности, но суд учитывает это при назначении наказания, а если иными факторами — освобождается от уголовной ответственности.

Теперь представим ситуацию, когда двое четырнадцатилетних подростков совершают кражу. Они оба, по заключению экспертизы, не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий. Однако первый – в связи с наличием у него психического расстройства, а второй – в связи с тем, что рос и воспитывался в неблагополучной семье и в неблагоприятной обстановке. В соответствии с действующим уголовным законом первый будет привлечен к уголовной ответственности, а второй – освобожден. Налицо явное нарушение принципа справедливости. Представляется, что законодатель должен пересмотреть свою позицию по данному вопросу.

Считаем необходимым обратить внимание на то, что законодатель в ч. 3 ст. 20, ст.ст. 21 и 22 УК РФ при характеристике психического здоровья лица, совершившего общественно опасное деяние, использует различную терминологию. В части 3 ст. 20 и ст. 22 УК РФ говорится о психическом расстройстве, а в ст. 21 УК РФ – о хроническом психическом расстройстве, временном психическом расстройстве, слабоумии либо ином болезненном состоянии психики. Представляется, следует употреблять единую терминологию, используя обобщающий термин – «болезненное состояние психики».

В некоторых случаях отставание в психическом развитии является незначительным и не влияет на способность несовершеннолетнего осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Но в соответствии с ч. 1 ст. 89 УК РФ уровень психического развития, наряду с другими особенностями личности, должен учитываться судом при назначении несовершеннолетнему наказания и, на наш взгляд, в сторону его смягчения.

Возможны ситуации, когда отставание в психическом развитии у несовершеннолетнего отсутствует, но подросток в момент совершения общественно опасного деяния был не способен или способен не в полной мере осознавать значение своих действий (бездействия) или руководить ими

вследствие особенностей личности или специфики ситуации, в которой совершаются действия. На поведение несовершеннолетнего может влиять переживание им конфликтных ситуаций, вызывающих при определенных условиях аффективные вспышки и негативистические реакции, которые и выливаются иногда в противоправное поведение. Наличие глубоких конфликтных переживаний способствует в некоторых случаях снижению способности сознавать значение своих действий и – в еще большей степени – руководить ими. Если в таких ситуациях заключение экспертизы будет свидетельствовать о том, что подросток не обнаруживает отставания в психическом развитии, но определенные обстоятельства или свойства личности не позволяли ему в полной мере осознавать фактический характер своих действий (бездействия) или в полной мере руководить ими, подросток не может быть освобожден от уголовной ответственности, но эти обстоятельства, на наш взгляд, должны быть признаны судом не просто смягчающими, а исключительными, существенно понижающими степень общественной опасности преступления.

Уровень психического развития несовершеннолетнего должен также учитываться при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности (ст. 90 УК РФ) либо освобождении от наказания (ст. 92 УК РФ) с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

В соответствии с ч. 1 ст. 90 УК РФ несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности при совершении преступления небольшой или средней тяжести, но основанием для принятия такого решения, специально оговоренным в данной норме, является возможность исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. В части 1 ст. 92 УК РФ, предусматривающей возможность освобождения несовершеннолетнего от наказания, такое основание не упоминается, но ч. 1 ст. 432 УПК РФ гласит, что если при рассмотрении уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести будет установлено, что несовершеннолетний, совершивший это

преступление, может быть исправлен без применения уголовного наказания, то суд в соответствии с ч. 1 ст. 92 УК РФ вправе, постановив обвинительный приговор, освободить несовершеннолетнего подсудимого от наказания и применить к нему принудительную меру воспитательного воздействия, предусмотренную ч. 2 ст. 90 УК РФ. Хотя в ст.ст. 90 и 92 УК РФ нет прямых указаний относительно учета уровня психического развития несовершеннолетнего, но именно исследование личности несовершеннолетнего, включая уровень его психического развития, поможет принять правильное решение, выбрать ту принудительную меру воспитательного воздействия на несовершеннолетнего, которая с наибольшей вероятностью будет способствовать его исправлению и перевоспитанию.

Таким образом, объективная оценка уровня психического развития несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние, установление причин отставания в психическом развитии и способности несовершеннолетнего в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими являются залогом соблюдения принципа справедливости при решении вопроса о применении к несовершеннолетнему мер уголовно-правового характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно статье 22 УК РФ вменяемое лицо, которое в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими, подлежит уголовной ответственности за совершенное преступление. В таком случае психическое расстройство учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.

Одним из признаков ограниченной вменяемости является наличие у лица психического расстройства в пределах психиатрической нормы, то есть не достигающих уровня психического расстройства. В теории уголовного права полагают, что такие формы расстройства находятся на границе нормы и патологии.

Психические расстройства, не исключаящие вменяемости, как криминогенный фактор, отраженный в ст. 22 УК РФ, представляют собой психические расстройства, не достигшие уровня психоза, но вместе с тем ограничивающие возможность в полной мере осознанно руководить своими действиями во время совершения преступления.

Примерами таких расстройств являются посттравматическая и иная психопатизация, расстройство личности (психопатия), различные стрессовые расстройства, легкие формы интеллектуального снижения, неврозы и другое.

Проблема взаимосвязи категорий вменяемости и невменяемости, несмотря на наличие большого количества научных исследований на эту тему, до настоящего времени является одной из самых острых в теории и практике применения уголовного законодательства.

В Уголовном кодексе Российской Федерации вообще отсутствует определение вменяемости, и оно раскрывается через противоположное ему понятие невменяемости. А. Н. Батанов указывает, что формулировка ч. 1 ст. 81 УК РФ об освобождении от наказания психически больного лица с формальной точки зрения повторяет понятие невменяемости, установленное

ч. 1 ст. 21 УК РФ. Однако в тексте Уголовного кодекса РФ вообще не содержится определения невменяемости, которое, тем не менее, можно вывести из ч. 1 ст. 21 УК РФ.

Необходимо рассмотреть, что из себя представляет категория «ограниченная вменяемость». Это определенная степень вменяемости, предполагающая быть использованной в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность и наказание, и позволяющая принять решение о применении принудительных мер медицинского характера психиатрического свойства.

Точка зрения на уменьшенную вменяемость как на «психическое состояние лица, не исключающее уголовную ответственность и наказание, при котором во время совершения преступления была ограничена способность отдавать себе отчет в своих действиях, бездействии (сознавать фактическую сторону и общественную опасность деяния) или руководить ими в силу расстройств психической деятельности» (Ю. А. Антоян, С. В. Бородина), не разделяется учеными И. Г. Бойко, М. Г. Киселевой, потому что вменяемость – правовая категория, а психическое состояние лица – нет. Последнее может иметь отношение к определению вменяемости, но только в связи с использованием специальных знаний (в данном случае – психиатрических или психологических) при проведении судебной экспертизы.

По мнению сторонников ограниченной (уменьшенной) вменяемости нет четкой грани между лицами психически здоровыми и больными, а существует ряд переходных ступеней. Исходя из этого, ограниченная вменяемость рассматривается ими как промежуточное состояние между нормальным психическим состоянием и состоянием психической болезни, при котором вследствие отклонений в психическом развитии лица способность понимать социальный смысл совершаемого и руководить своими поступками в значительной степени ослаблена, хотя и не исключена полностью. Лицо принимает волевые решения, но со значительно более

низким уровнем по сравнению со здоровым человеком, без достаточной критической оценки всех последствий. Как нам кажется, в юридической литературе содержится немало весьма неудачных положений о понимании значения института ограниченной вменяемости в уголовном праве. К примеру, утверждалось, что ограниченную (уменьшенную) вменяемость необходимо рассматривать как обстоятельство, устраняющее уголовную ответственность, ее нельзя приравнивать к вменяемости, поэтому вменяемых надо направлять в лечебницы, наказывать их нецелесообразно; к вменяемым вполне допустимы неопределенные приговоры.

Следует признать тот факт, что законодатель все же неопределенно формулирует название статьи 22 УК РФ. Не совсем удачна ее диспозиция в той части, которая называет психическое расстройство, не исключающее вменяемости, но не описывает его признаки. Это, в свою очередь, приводит к смешиванию медицинского критерия ограниченной вменяемости и невменяемости, неправильному соотношению различных аномалий психики с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

При невменяемости болезненное состояние психики поглощает момент осознания лицом фактического характера и общественной опасности своих действий (бездействия) либо процесс руководства ими. А при ограниченной вменяемости определенные психические отклонения от нормы лишь частично лишают лицо в момент совершения преступления возможности осознания фактического характера и общественной опасности своего поведения либо возможности руководить им. Отсюда следует, что помимо обнаружения медицинского критерия ограниченной вменяемости важно установить наличие критерия юридического. Юридический критерий ограниченной вменяемости означает, что лицо ввиду наличия психических расстройств, не исключающих вменяемости, не в состоянии в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. В свою очередь, юридический критерий ограниченной вменяемости делится на признаки: интеллектуальный и

волевой. Интеллектуальный признак означает неспособность лица в момент совершения преступления в силу умственных способностей в полной мере осознавать фактический характер преступления. Волевой признак заключается в том, что лицо не способно в полной мере руководить своими действиями (бездействием). Для установления юридического критерия ограниченной вменяемости достаточно одного из указанных признаков.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости более четкой законодательной регламентации данного института уголовного права. Вопрос об ограниченной вменяемости остается открытым, и следует лишь уповать на высокую квалификацию медиков - экспертов, выносящих то или иное решение, ведь зачастую именно им приходится решать судьбы людей и именно от их решения зависит вопрос, какие меры наказания будут применены к лицу, переступившему закон.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел 1 Нормативные правовые акты и иные официальные акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 445.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. – 1996. – 18 июня.

Раздел 2 Литература

3. Агачева А.В. Проблема вины в уголовном праве России // Марийский юридический вестник. 2016. – Т. 1. – № 2 (17). – С. 89-91.
4. Анощенкова, С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем / С.В. Анощенкова. – М., 2006. – С. 55 – 56.
5. Аномальный субъект преступления. Проблемы уголовной ответственности: Учебное пособие / Иванов Н.Г. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. – С. 166.
6. Бабурин В.В. Система современного уголовного права: монография - Омск: Омская академия МВД России, 2015. – С. 87.
7. Богомягков Ю.С. Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки // Советское государство и право. – М.: Наука, 1989, № 4. – С. 103-108.
8. Бородин С.В. К вопросу о понятии самоубийства и его отграничении от убийства и несчастного случая // Труды ВНИИ МВД СССР. № 31. М., 1974 – С. 35.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1: А – З. 5-е изд., стереотип. М., 2008 – С. 215.

10. Дурманов Н.Д. Общие основания учения о причинной связи в уголовном праве // Вопросы уголовного права. – 1945. – № 1 – С.27.
11. Игнатов А.Н. Уголовное право России. В 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для вузов. – М., 2005 – С. 185.
12. Кисляков А.В. Уголовная ответственность и исполнение наказания в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. – С. 3.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко, науч. Ред. А.С. Михлин. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2008 – С. 428.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1996. С. 35, 36; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник / М.П. Журавлев, А.В. Наумов и др.; Под ред. А.И. Рарога. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. – С. 115.
15. Курс уголовного права в пяти томах. Том 1.Общая часть: Учение о преступлении/Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002 – С. 173.
16. Курс уголовного права в пяти томах. Том 1.Общая часть:Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.:Зерцало, 2002 – С. 170.
17. Михеев Р.И. Невменяемый. Социально-правовой очерк. Владивосток, 1992. – С. 194.
18. Невменяемость: уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Тугушев Р.Р. – Саратов, 2002. – С. 84.
19. Ожегов С. И. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук.

- Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 419.
20. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М., 1987. – С. 71.
 21. Ошевский Д.С. Система профессиональной подготовки и организация деятельности судебных экспертов-психологов Минздравсоцразвития и Минюста России // Материалы Всероссийского совещания «Современные подходы к управлению качеством деятельности психиатрической и судебно-психиатрической службы страны». СПб., 2006. – С. 75.
 22. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Т.1: преступление и наказание. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008.– С. 103.
 23. Производство по применению принудительных мер медицинского характера в советском уголовном процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Хомовский А.А. – М., 1967. – С.16.
 24. Протченко Б. Понятие невменяемости в советском уголовном праве // Правоведение. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987, № 4. – С. 82-86
 25. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 184.
 26. Рарог А. И. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2009 – С.130.
 27. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т.1: Общая часть / А.В. Наумов. – М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2016 – С. 174.
 28. Сирожидинов Д. В. Ограниченная вменяемость: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 1998. – С. 68—85.
 29. Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М., 2009 – С. 3.
 30. Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М., 2009 – С.40.

31. Судебная психиатрия: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / З.О. Георгадзе, А.В. Датий, Э.Б. Царгасова; Под. ред. З.О. Георгадзе. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. – С. 23.
32. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. – СПб: МИЭП, СПБИГО, ООО «Книжный Дом», 2009 – С. 428.
33. Уголовное право России. Часть Общая: учебник для бакалавров /Отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. – Москва: Проспект, 2014.– С. 184.
34. Уголовное право России: Общая часть: учебник / под общ. ред. В.И. Гладких. – Ростов н/Д: Феникс, 2017 – С. 193.
35. Уголовное право России: Общая часть: Учебник / Под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. — СПб.: Издательский Дом С. —
36. Петерб. гос ун-та, 2006. – С. 538.
37. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. VII. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. I. Субъект преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 201.
38. Уголовное право: учебник для бакалавров: в 2 т. Т. 1. Общая часть / Отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько.– М.: Издательство Юрайт, 2012. – С. 183.
39. Учебник русского уголовного права: Общая и особенная части / Белогриц- Котляревский Л.С., орд. проф. Ун-та св. Владимира. – Киев: Южно-рус. кн-во Ф.А. Иогансона, 1903. – С. 135.
40. Фельдштейн Т.С. Природа умысла. – М., 2003 – С.22.
41. Цой О.Р. Криминологические проблемы пенитенциарного суицида и его предупреждение (по материалам Республики Казахстан): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. – С. 13.

Раздел 3 Постановления высших судебных инстанций и материалы судебной практики

42. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2000 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 9. – С. 17-36.
43. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 июня 2004 г. по делу Кузнецова // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – С. 20 - 21.
44. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 октября 2004 г. по делу Волкова и других // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 3. – С. 21 - 23.